

ПРИЧИНЫ ВОЛНЕНИЙ ВЪ КИРГИЗСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

Мы имѣли возможность основательно ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ средней Азіи и совершающимися тамъ реформами: при настоящемъ тревожномъ положеніи въ степи, для читателей безъ сомнѣнія будутъ интересны собранныя нами данныя.

Для уясненія причины нынѣшнихъ беспорядковъ, полезно сказать нѣсколько словъ о характерѣ киргизскаго народа и того порядка управленія который существовалъ въ степи нѣсколько вѣковъ, съ весьма малыми измѣненіями, введенными русскими властями по присоединеніи степей къ Имперіи. Киргизы составляютъ самостоятельную народность съ особымъ нарѣчіемъ татарскаго языка и живутъ на огромномъ пространствѣ между Каспійскимъ моремъ, рѣками Ураломъ, Тоболомъ, Иртышемъ и Алтайскими горами, съ одной стороны, и хребтами Тянь-Шанемъ, Ганду-Кушемъ, и рѣкой Аму-Дарьей съ другой. Занимаемая Киргизами степи принадлежатъ нѣсколькимъ государствамъ, а потому это племя раздѣляется на Киргизовъ русскихъ, китайскихъ, коканскихъ и бухарскихъ. Самые многочисленные первые, самые малочисленные послѣдніе. Вездѣ они занимаютъ преимущественно скотоводствомъ и очень мало хлѣбопашествомъ; ихъ зимнія жилища устраниваются очень просто и скоро. Большинство ведетъ кочевой образъ жизни и только незначительная часть полукочевой. Кочевые круглый годъ живутъ въ своихъ кибиткахъ, полукочевые имѣютъ зимовки, состоящія изъ глиняныхъ мазанокъ, обнесенныхъ невысокимъ землянымъ валомъ, въ защиту отъ бурановъ и метелей свирѣствующихъ зимой въ степи. Кочевые богаче полукочевыхъ; послѣдніе вынуждены вести такой образъ жизни благодаря недостатку свободныхъ мѣстъ для перекочевокъ, такъ какъ степь, несмотря на свою необъятность, все-таки раздѣлена между родами на части и раздѣлъ этотъ строго соблюдается.

Киргизскія кибитки или юрты хорошо знакомы всѣмъ. Каждая изъ нихъ настолько велика что вмѣщаетъ въ себя цѣлое семейство; впрочемъ богатые люди имѣютъ по нѣскольку кибитокъ. При передвиженіи съ одного мѣста на другое, кибитки и имущество перевозятся

всегда вьюками на верблюдахъ или лошадахъ. Поэтому Киргизы имѣютъ возможность перекочевывать въ названныхъ государствахъ изъ одного въ другое, смотря по отношенію своему къ пограничнымъ властямъ, и часто пользуются этою возможностью; если за ними заведется какое-нибудь уголовное дѣло возбуждающее преслѣдованіе русскихъ властей, какъ напримѣръ: убійство, ограбленіе почтъ или проѣзжающихъ, они бѣгутъ въ Хиву, Коканъ или Бухару, куда ближе. При недовольствѣ бухарскими беками и правительствомъ, они бѣгутъ къ намъ. Въ послѣднее время безпорядки въ западнѣмъ Китаѣ побудили Киргизовъ переселиться въ наши владѣнія въ довольно значительномъ количествѣ; въ 1868 году ихъ перешло до 16.000 семействъ. Правители пограничныхъ областей съ охотой ихъ принимаютъ чтобы заселить громадные пустыя пространства земель и собирать съ нихъ хотя незначительную подать. Такимъ образомъ Киргизы находятъ возможность сохранять нѣкоторую независимость отъ властей и уклоняться отъ исполненія повинностей; если же этого нельзя достигнуть переселеніемъ, то они часто поднимаютъ открытый бунтъ, какъ напримѣръ въ Коканѣ, гдѣ они не разъ смѣняли хановъ и назначали новыхъ. Въ особенности теперь при своей слабости, коканское правительство находится въ необходимости прощать имъ многое и ласкать ихъ. Огромныя пространства пустынныхъ степей, ими занимаемыхъ и извѣстныхъ только имъ однимъ, даютъ имъ еще большую возможность отстаивать свою независимость. Образъ жизни лишаетъ этихъ помадовъ всякой возможности къ развитію; о религіи они не имѣютъ никакого понятія, хотя и считаются магометанами. Духовенства они почти вовсе не имѣютъ, и часто на цѣлый родъ приходится одинъ мулла получившій этотъ громкій титулъ за умѣнье читать съ грѣхомъ пополамъ первую главу Корана, на обученіе чему онъ употребилъ много лѣтъ въ одномъ изъ матабдаровъ * Туркестана или Ташкента. Это равнодушіе къ религіи ясно показываетъ какъ дикость нрава, такъ и ту апатію до которой доведенъ этотъ народъ скудостью матеріальныхъ средствъ и деспотизмомъ властителей. Дикость обуславливаетъ то особенное нерасположеніе Киргизовъ къ цивилизаціи, какимъ они отличались прежде, отличаются и теперь. Бунты 1853, 1857 и 1859 годовъ причиненные неудовольствіемъ на затѣи начальства, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о вѣрности высказаннаго мнѣнія.

* Низшее училище, устраиваемое обыкновенно на дворѣ. Система преподаванія всегда одна. Ученики сидятъ кругомъ учителя и поютъ громко за нимъ стихи Корана. Пропоютъ весь Коранъ отъ 3 до 6 разъ, и тѣмъ ученіе оканчивается.

Киргизскій народъ раздѣляется на 8 ордъ, Большую, Среднюю и Малую, раздѣляющіяся въ свою очередь на множество родовъ; послѣдніе, кромѣ того, еще подраздѣляются. Кромѣ родовъ, входящихъ въ составъ трехъ ордъ, есть еще такъ-называемые Кара-Киргизы или дико-каменная орда, отдѣлившаяся нѣкогда отъ Большой Орды *.

Мы не станемъ поименовывать всѣхъ родовъ и отдѣленій, такъ какъ это напрасно испестрило бы нашу статью собственными именами, не прибавивъ ничего къ ея ясности. Дѣло въ томъ что всѣ роды одинаково управлялись начальниками родовъ, султанами или бѣями, званіе которыхъ было наследственно. Родоначальникъ рѣшалъ всѣ дѣла безапелляціонно. Если его крутой деспотическій нравъ переходилъ за мѣру терпѣнія Киргизовъ, то его заставляли отказаться отъ власти, которая переходила къ слѣдующему представителю рода. Если же на добровольный отказъ согласія не было, то употреблялась сила: нелюбимаго султана или убивали, или изгоняли изъ рода. Такой порядокъ существовалъ до присоединенія степей къ Имперіи. Онъ мало въ чемъ измѣнился и по присоединеніи, несмотря на стараніе ввести различныя улучшенія. Въ оренбургской степи родовое начало оставалось неприкосновеннымъ до настоящихъ дней. Мѣстное начальство, прежде (въ концѣ прошлаго столѣтія) вмѣшивавшееся въ выборы султановъ и правителей родовъ, потерпѣвъ неудачи, оставило Киргизовъ управляться по своему, соблюдая только чтобы безпорядки при своевольныхъ перемѣнахъ не переходили въ уголовныя преступленія. Киргизы Большой и Средней Орды управлялись на основаніи Положенія даннаго имъ графомъ Сперанскимъ. Положеніе это дѣйствовало до 1868 года, и несмотря на многія нововведенія, лишь нѣсколько коснулось родового начала, введя въ составъ управленія родами русскаго чиновника подъ

* Это отдѣленіе произошло вслѣдствіе социальныхъ причинъ, такъ какъ въ прежнія времена у Киргизовъ скотъ считали общественною собственностью. Но люди трудолюбивые и зажиточные возстали противъ такого порядка и вынудили отдѣлиться людей нерадивыхъ, ничего не приобретающихъ. При произведенномъ тогда раздѣлѣ общаго имущества, вслѣдствіе преобладанія, въ оставшей части орды, людей богатыхъ, выдѣленные были обижены. Этою несправедливостью при раздѣлѣ положено начало до сихъ поръ неугасающей вражды между Кара-Киргизами и остальными туземцами, выражающейся частою *барантой*, которая нѣрѣдко оканчивается убійствомъ. Названіе Кара-Киргизовъ, или Черныхъ Киргизовъ, они получили потому что при отдѣленіи отъ общаго состава орды, къ нимъ не присоединился ни одинъ султанскій родъ, или такъ называемая *бѣлая кость*. Временемъ раздѣла приблизительно можно полагать 1630—1650 г.

именем зафдателя, ограничивавшаго произволъ управленія султановъ и биевъ. Въ недавно-присоединенной къ Имперіи Туркестанской области, управленіе киргизскимъ народомъ велось на тѣхъ же началахъ до 1868 года. Завоеватель этой области, генералъ Черняевъ, будучи хорошо знакомъ съ характеромъ и бытомъ Киргизъ, предложилъ администрацію совершенно простую и ясную для каждаго. Эти два драгоценныя качества, простота и ясность, дали администраціи возможность исполнить свои обязанности съ тѣмъ замѣчательнымъ успѣхомъ который былъ общепризнаннымъ мнѣніемъ. Пространство отъ горъ Алатау до Аральскаго моря и отъ хребта Каратау до рѣки Ангrena бывшей тогда границею области, раздѣлялось при немъ на три части: правый и лѣвый фланги, и центръ. Въ каждомъ отдѣлѣ населеніемъ заведывалъ такъ-называемый управляющій населеніемъ, имѣя при себѣ одного помощника. Для рѣшенія же общихъ дѣлъ по всѣмъ тремъ отдѣламъ и для наблюденія за ходомъ управленія при военномъ губернаторѣ, состояла канцелярія также изъ двухъ лицъ. Слѣдовательно, вся администрація состояла изъ 8 лицъ. Предложенная въ такомъ видѣ, она была Высочайше утверждена въ августѣ 1865 года. Лучшее доказательство ея достоинствъ есть всеобщая благодарность и любовь, которая сохранилась мѣжду Киргизами къ генералу Черняеву.

Но генералъ Черняевъ не долго управлялъ краемъ. Преемникъ его, генералъ Романовскій, хотя не измѣнилъ административнаго управленія въ принципѣ, но значительно расширилъ его составъ, доведя число служащихъ лицъ по администраціи до 23, что частью обуславливалось новыми завоеваніями. Мысль коснуться коренныхъ обычаевъ народа, измѣненіемъ суда по арабскому образцу, учрежденіемъ *межме* не удалась и даже не успѣла сдѣлаться извѣстною всѣмъ киргизскимъ населеніямъ.

Въ такомъ положеніи было дѣло управленія Киргизами до учрежденія Туркестанскаго генералъ-губернаторства. Предварительно этого учрежденія была образована киргизская коммиссія изъ четырехъ членовъ, по одному отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и военного, и по одному депутату отъ степей Оренбургскаго и Сибирскаго вѣдомствъ. Коммиссія эта, объѣхавъ всю степь и Туркестанскую область въ теченіе 1865 и 1866 годовъ, составила въ 1867 году проектъ положенія объ управленіи вновь образованными областями Сыръ-Дарьинскою и Семырѣченскою, вошедшими въ составъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства, а по приведеніи въ послѣднемъ въ дѣйствіе этого проекта послѣдовало раздѣленіе степей на четыре области: Уральскую, Тургайскую, Акмалинскую и Семипалатинскую, и тотъ же проектъ управленія, съ небольшими, несущественными измѣненіями, предложенъ и для новыхъ областей. Введеніе этого проекта въ дѣйствіе и было причиною тѣхъ безпорядковъ въ областяхъ Уральской и Тургайской, объясненію коихъ посвящена эта статья.

Сущность новаго управленія киргизскимъ народомъ, опредѣленная проектомъ Положенія, состоитъ въ слѣдующемъ: Каждая область раздѣляется на

уѣзды. * Въ каждомъ уѣздѣ, кочевое населеніе организуется въ аулы, по 50 кибитокъ. 25—30 ауловъ составляютъ волость. При формированіи ауловъ и волостей, проектъ предписываетъ не обращать вниманія на родовыя отношенія, а напротивъ рекомендуетъ, по возможности, смѣшивать роды между собою. Аулы управляются выборнымъ аульнымъ старшиной, а волость—выборнымъ же волостнымъ старшиной. Для отправленія суда по народнымъ обычаямъ, на каждую волость выбирается бій. Высшая инстанція народнаго суда образуется съѣздомъ биевъ всего уѣзда. Вотъ вся сущность новаго управленія. Высказанное въ немногихъ словахъ, управленіе кажется несложнымъ, а основанное на выборномъ началѣ должно бы и правиться Киргизамъ, давая имъ возможность управляться излюбленными людьми. Но все это только кажется: Киргизъ привыкъ къ родовому началу, привыкъ ко власти, хотя и деспотической, но единоличной, и эту власть онъ уважалъ вѣка, и вѣка ей покорялся. Какъ и какими средствами растолковать ему значеніе чиновной іерархіи и порядокъ подчиненности одного лица другому? Эта простая въ понятіяхъ Европейца машина для полудикаго народа среднеазиатскихъ степей представляется чѣмъ-то страшнымъ. Онъ видитъ массу лицъ, изъ которыхъ каждый ему начальникъ, онъ чувствуетъ въ то же время свою оторванность отъ родового начала, отъ той почвы на которой онъ стоялъ твердо. Сравните только число лицъ управлявшихъ народомъ при генералѣ Черняевѣ въ бывшей Туркестанской области съ числомъ лицъ управляющихъ теперь, и вы будете невольно поражены. По новому проекту, бывшая Туркестанская область раздѣлена на 9 уѣздовъ. Въ каждомъ уѣздѣ число служащихъ лицъ 9, итого 81. Центральное же управленіе состоитъ изъ 26 лицъ, итого 107 чел., имѣющихъ для Киргиза значеніе начальниковъ. Сто семь противъ 8. Невольно воскликнете вмѣстѣ съ Киргизомъ: „Ой! бой! бой!“ Такое же увеличеніе произошло и въ другихъ областяхъ. Что же оно могло произвести какъ не утрату того авторитета начальствующаго лица который двигалъ этотъ народъ однимъ словомъ, держалъ его въ безусловномъ повиновеніи и благодаря которому все требуемое исполнялось безпрекословно, не производя ни волненій, ни безпорядковъ, кои должны были усмирены военною силою. Это мнѣніе основано на фактахъ. Мы хорошо помнимъ что значило слово генералъ, или джандараль по киргизскому произношенію, во времена генерала Черняева. Никто не могъ, да никому и не удалось растолковать имъ значенія генерала Крыжановскаго, пріѣзжавшаго въ степь въ 1865—1866; они твердили свое что джандараль одинъ, и что этотъ джандараль не кто другой какъ Черняевъ. Велико ихъ было удивленіе когда они узнали что съ образованіемъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства, у нихъ девять генераловъ. Зна-

* Уѣздомъ управляетъ уѣздный начальникъ, при которомъ состоятъ два помощника и канцелярія изъ писмоводителя и офицера по военной части. Кроме того, существуютъ слѣдующіе представители различныхъ органовъ управленія. Уѣздный судья, уѣздный казначей, уѣздный почтмейстеръ,

ченіе генералъ-губернатора они немножко поняли, но большое количество генераловъ такъ подорвало въ нихъ уваженіе къ этому слову, что генералъ-адъютанту Кауфману они придумали особое названіе яремъ-падшахъ, что означаетъ: полъ-царя. Все это можетъ показаться пустяками для людей незнакомыхъ съ Киргизами, но я смѣло могу утвердить что въ этомъ заключается вся суть. Для дикаго кочевника ясность отношенія ко власти составляетъ все. Онъ не входилъ никогда, не входитъ и теперь въ разборъ качествъ этой власти. Для него она имѣетъ только два вида: выносима—онъ ей повинуетъ безусловно, хотя бы она выражалась въ самомъ безправномъ и деспотическомъ видѣ; не выносима—онъ ее опрокидываетъ, уничтожаетъ. Но такого вида чтобы власть была не ясна, Киргизу никогда не представлялось. А теперь она именно такова. Громадное количество начальствующихъ лицъ поставило его втупикъ; онъ не знаетъ къ кому идти судиться: есть бій, есть и уѣздный судья; къ кому нести подати: есть уѣздный начальникъ, а то еще будетъ и уѣздный казначей; кому наконецъ жаловаться: есть уѣздный начальникъ, у него два помощника, а тутъ же есть и свои начальники—аульный и волостной, да есть еще высшіе начальники—губернаторъ и его помощникъ, да еще и выше ихъ есть—генералъ-губернаторъ, а у него правитель канцеляріи генералъ, который тоже можетъ быть начальникъ. Да еще ему говорятъ что въ Петербургѣ начальства много, много, министры, разные генералы, а ужъ потомъ надъ всѣми Государь. Сбивается бѣдный дикарь съ толку, трещитъ у него голова отъ напряженія понять этотъ лабиринтъ власти и кончается тѣмъ что махаетъ онъ рукой на свое дѣло и бросаетъ его, не смотря на полное сознаніе своей правоты, питая въ себѣ чувство нерасположенія и отвращенія къ новому порядку.

Вотъ ближайшій результатъ новаго порядка управленія, введеннаго проектомъ киргизской коммиссіи. Вотъ главнѣйшая причина волненія въ Киргизской степи оренбургскаго вѣдомства. Причина эта усугубляется еще, во первыхъ, уничтоженіемъ родового начала, что естественно возбуждаетъ въ султанахъ и баяхъ, старыхъ родоначальникахъ, желаніе отстоять свою власть и силу. Они пускаются на подстрекательство противъ властей, распространяютъ для успѣха своихъ замысловъ ложные слухи и страхомъ рекрутской повинности и введенія христіанства достигаютъ своихъ цѣлей. Въ вторыхъ, дѣла устраняются введеніемъ Положенія въ дѣйствіе, которое поручено организационнымъ коммиссіямъ, составленнымъ, какъ мы знаемъ по слухамъ, изъ офицеровъ Уральскаго казачьяго войска. Старая и притомъ взаимная ненависть уральскихъ казаковъ и Киргизовъ другъ къ другу, при нерасположеніи Киргизовъ къ новому порядку, играетъ здѣсь большую роль, возбуждая недовѣріе къ дѣлу коммиссіи, а слѣдовательно большее сочувствіе и довѣріе къ дѣлу султановъ.*

* До введенія Положенія Киргизы платили податей 1 р. 50 коп. съ кибитки, нынѣ же они платятъ 6 р. 25 коп. (2 р. 75 коп. въ государственныя доходы и 3 р. 50 коп.

Дикимъ, кочевымъ народомъ не имѣющимъ понятія ни о чемъ кромѣ видимыхъ предметовъ встрѣчающихся въ его нехитрой жизни, нельзя управлять по европейскимъ образцамъ. Составители Положенія внесли въ него всѣ позднѣйшія усовершенствованія введенныя въ государствахъ Европы: и самоуправленіе, и принципъ отдѣльности администраціи отъ суда, и гласный судъ, и свободную торговлю, и все такое чѣмъ хвалится Европа XIX столѣтія; но забыли одно, что все это будетъ примѣнено къ людямъ не имѣющимъ понятія ни о чемъ кромѣ тѣхъ скудныхъ предметовъ которые встрѣчаются въ степи. * Для такихъ людей главное достоинство всякаго общественнаго строя—простота и ясность въ отношеніяхъ. Имъ мало дѣла д. того, вредно или не вредно смѣшеніе власти административной съ судебною; имъ еще менѣе дѣла до удобствъ отправленія каждою изъ этихъ властей своихъ обязанностей. А этой-то простоты и нѣтъ въ проектѣ Положенія, и всѣ хорошія его стороны гибнуть не принося никому существенной пользы **. Одно обстоятельство нѣсколько успокоиваетъ насъ. Это то что проектъ не утвержденъ еще законодательною властію и введенъ лишь въ видѣ опыта на два года. Будемъ надѣяться что опытъ этотъ причислится къ числу неудавшихся, а самое положеніе будетъ измѣнено сообразно съ понятіями и нуждами Киргизскихъ населеній.

Л. АРАСАНСКІЙ.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ О ПРИЧИНАХ ВОЛНЕНИЙ ВЪ КИРГИЗСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

Въ № 22 Современной Литературы, въ статьѣ: *Причины волнений въ Киргизскихъ степяхъ*, ея авторъ, г. Л. Арасанскій, прямо назвавъ себя основательно знакомымъ съ положеніемъ дѣлъ въ средней Азии и совершающимися тамъ реформами, всецѣло приписалъ причины возникшихъ безпокойствъ въ Оренбургской степи недостаткамъ новаго положенія, вводимого между Киргизами и составленнаго бывшею киргизскою степною комиссіей. Въ концѣ статьи авторъ даже совѣтуетъ, какъ лучшее, измѣнить устройство степи.

Важность разсматриваемаго предмета, интересъ съ которымъ встрѣчаются въ публикѣ извѣстія о происходящемъ въ степи, помѣщаемыя въ органахъ печати, и наконецъ тонъ самой статьи, написанной съ видомъ знатока, но сообщаемой читателямъ совершенно невѣрные данныя, заставляютъ насъ, какъ одного изъ составителей проекта Положенія вводимого въ киргизскихъ степяхъ, представить настоящую замѣтку,—единственно съ цѣлью разъясненія истины.

Очерчивая организацию управления Киргизами, авторъ говоритъ „что по новому проекту кочевое населеніе организуется въ аулы по 50 кибитокъ, 25—30 ауловъ составляютъ волость“. Такихъ цифръ совсѣмъ нѣтъ въ новомъ положеніи, ни въ Туркестанскомъ краѣ, ни въ сибирской и оренбургской степяхъ. Дѣленіе опредѣлено: въ аулахъ отъ 100 до 200 кибитокъ, въ волости отъ 1.000 до 2.000. Эти цифры имѣютъ особую важность, потому что на нихъ основаны всѣ раскладки податей и сборовъ; и авторъ уменьшилъ размѣры частей вдвое-вчетверо, можетъ-быть именно для того чтобы показать что на содержаніе мѣстнаго туземнаго управления придется съ каждой кибитки 3 р. 50 коп., сверхъ кибиточнаго сбора собственно въ казну, а всего съ дыма придется буд-то бы до 7 руб. сер. Разчетъ этотъ невѣренъ, ибо, положивъ на содержаніе аульному старшинѣ 50 руб., а волостному отъ 300—500 руб., * окажется что

* Опредѣленіе размѣра содержанія оставлено самимъ киргизскимъ обществомъ; до послѣдней реформы и старшины содержанія не получали.

на каждую кибитку въ волости едва ли придется и одинъ рубль этого налога и потому выводъ сдѣланный авторомъ объ увеличеніи податей съ Киргизовъ съ 1 р. 50 к. до 7 р. неоснователенъ.

По всѣмъ соображеніямъ, весь сборъ съ кибитки будетъ около 4 руб. въ годъ (3 руб. въ кибиточную подать и 60 коп. или много 1 руб. на содержаніе общественнаго управленія). Налогъ же въ 75 коп., въ замѣнъ натуральныхъ повинностей, установленный въ Туркестанскомъ краѣ, вовсе и не предполагается ввести въ степныхъ областяхъ. До нынѣшней реформы сборовъ и поборова, по собраннымъ даннымъ, приходилось на каждую кибитку до 10—12 руб. въ годъ.

Далѣе, упоминая о простотѣ устройства Туркестанской области при генералѣ Черняевѣ, когда въ администраціи всей области находилось буд-то бы только 8 лицъ, авторъ упрекаетъ новый проектъ въ умноженіи чиновничества, и говоритъ: „сравните только число лицъ, управлявшихъ народомъ тогда и теперь, и вы будете невольны поражены“. И опять онъ представляетъ невѣрныя цифры. Вопервыхъ, въ управленіи областью при генералѣ Черняевѣ участвовало не 8 лицъ, а больше. По временному положенію, утвержденному въ 1865 г., на которое ссылается г. Арасанскій, въ управленіи перечислено 18 лицъ, не считая еще начальниковъ отдѣловъ области; потомъ надо упомянуть что городами съ ихъ туземнымъ населеніемъ управляли коменданты, между которыми и управляющими собственно киргизскимъ населеніемъ выходили нерѣдко столкновенія; авторъ не считаетъ еще лицъ, управлявшихъ въ Ташкентѣ, Ходжентѣ и другихъ мѣстахъ, присоединенныхъ послѣ утвержденія положенія 1865 года и районъ которыхъ относительно новаго проекта, тѣмъ не менѣе, авторъ включаетъ; за тѣмъ авторъ вѣроятно забылъ что въ тѣ времена многія распоряженія по управленію населеніемъ исполнялись по военному штабу области. Въ очеркѣ же нынѣ вводимого положенія авторъ насчитываетъ 9 лицъ, назначенныхъ для управленія Киргизами въ каждомъ уѣздѣ, помѣщая въ этомъ числѣ не только писмоводителей, но почтмейстеровъ, фельдшера и повивальную бабку, состоящихъ при уѣздныхъ управленіяхъ. А между тѣмъ, собственно для туземнаго населенія, по новому проекту, назначено только три лица: уѣздный начальникъ и два его помощника, изъ которыхъ одинъ изъ самихъ же Киргизовъ; уѣздный же судья назначенъ преимущественно для мѣстнаго русскаго населенія; туземцамъ дозволено обращаться къ нему только при взаимномъ согласіи тяжущихся сторонъ; оберъ-офицеръ въ уѣздной канцеляріи назначенъ только для переписки по войскамъ и т. д. Если вспомнить что при генералѣ Чер-

няевѣ въ каждомъ изъ районовъ, на которые дѣлилась тогда область, находился управляющій туземнымъ населеніемъ съ помощникомъ, а для управленія городомъ еще комендантъ, то окажется что по новому проекту число лицъ собственно для администраціи употребляется и нынѣ почти то же. Авторъ, по видимому, большой приверженецъ бывшей при генералѣ Черняевѣ системы управленія народомъ; онъ отыскиваетъ въ ней только однѣ выгоды, забывая объ общей ея неудовлетворительности, приведшей къ полной неурядицѣ въ управленіи этимъ краемъ, что засвидѣтельствовано преемникомъ генерала Черняева, генералъ-майоромъ Романовскимъ *, оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ и всѣми членами бывшей киргизской степной комиссіи. Для прекращенія этой неурядицы пришлось не только немедленно измѣнить бывшее тогда управленіе, но для распутанія счетовъ по той администраціи командировать даже цѣлую специальную комиссію отъ центрального правительства, которая и распутывала дѣло болѣе года. Да и неудивительно что произошла эта путаница, когда, по самому положенію, одно лицо (управляющій туземнымъ населеніемъ) сдѣлано было и правителемъ, и сборщикомъ податей, и судьей; а комендантъ правителемъ города, почтмейстеромъ и слѣдователемъ, и такое смѣшеніе разнообразныхъ обязанностей было вездѣ. Результатомъ всего было что доходовъ съ края собиралось противъ нынѣшняго гораздо меньше, отчетности не было никакой, правильнаго сообщенія не существовало, письма пропадали, хаосъ былъ страшный. Мы были въ Туркестанской области именно во время дѣйствія этого особаго управленія. Если сообразить что управленіе это стоило пожалуй и мало, да и область была тогда меньше, доходовъ собиралось немного, то и выйдетъ что государство было въ прямой потерѣ. И замѣтите что хаосъ этотъ установился въ краѣ, гдѣ народонаселеніе было въ нашемъ завѣдываніи только по наружной части, войска было всего всего нѣсколько баталіоновъ и пр. **.

Мы не имѣемъ цѣлью описывать бывшее тогда управленіе, отчасти оправдываемое бывшими тогда обстоятельствами; мы привели эти факты только для доказательства что взглядъ автора на выгоды того положенія не раздѣляется многими очевидцами. Нынѣшнее туркестанское начальство которо-

* Смотри изданную имъ книжку *Средне-азиатскій вопросъ* 1868 г. С. 116.

** Считаемъ долгомъ оговорить что мы высказываемся собственно противъ системы управленія бывшей при генералѣ Черняевѣ, отдавая въ то же время полную справедливость личной манерѣ покорителя Ташкента обращаться съ туземнымъ населеніемъ, въ средѣ котораго онъ приобрѣлъ большое сочувствіе.

му предоставлено право вводить проект киргизской степной комиссии по усмотрению и даже принимать свои меры, не прибѣгло къ тогдашнему способу управления. Неясность тогдашнихъ понятій объ администраціи доходила до того что серьезно предлагалось учрежденіе даже хана (въ Ташкентѣ)—тамъ гдѣ его прежде и не было.

Г. Арасанскій картинно изображаетъ затрудненіе которое туземецъ встрѣчаетъ въ пониманіи нашихъ административныхъ инстанцій, несмотря на то что и между Киргизами существовали старшіе и младшіе родоначальники; что Киргизы кочующіе въ давнишнихъ нашихъ предѣлахъ хорошо знали что кромѣ ихъ ближайшихъ начальниковъ-генераловъ пребывавшихъ на низовьяхъ Сыръ-Дарьи и въ Вѣрномъ, находятся еще старшіе генералы пребывающіе въ Оренбургѣ и Омскѣ; даже въ коканскихъ предѣлахъ, кромѣ родоначальниковъ, въ управленіи Киргизами участвовали: юзъ-баши, датхи (въ большихъ постахъ), беки (въ городахъ), кушъ-беги (въ Ташкентѣ) и затѣмъ уже ханъ съ своими окружающими въ Коканѣ. Положеніе Киргиза воображавшаго будто бы что выше генерала Черняева не было никого, измышлено сильнымъ воображеніемъ автора, стоявшаго, по всей вѣроятности, далеко отъ народа.

Изображая простоту и дикость Киргизовъ, авторъ ставитъ на видъ что новое положеніе стремится внести позднѣйшія административныя усовершенствованія Европы въ устройство управленія киргизскимъ народомъ, отдѣляя напримѣръ судъ отъ администраціи и пр. Г. Арасанскій забываетъ что у киргизскаго народа сыскони вѣковъ были *свои бій*, свободно выбираемые судьи не только изъ родоначальниковъ, но и изъ личностей стоявшихъ въ сторонѣ отъ управленія; что даже старшины Киргизовъ, въ случаѣ обращенія къ нимъ по дѣламъ исковымъ, большею частію не рѣшали дѣла сами, но созывали біевъ, указываемыхъ самими тяжущимися (такъ и нынѣ установлено). Странно какъ это авторъ забываетъ объ этомъ, тогда какъ о судѣ біевъ, какъ одной изъ самыхъ характеристическихъ чертъ быта Киргизовъ, говорятъ всѣ, кто когда-либо писалъ о киргизскомъ народѣ, или видѣлъ въ дѣйствительности ихъ образъ жизни. А между тѣмъ, приводя невѣрные данныя, авторъ восклицаетъ: „Нѣтъ въ реформѣ простоты и примѣнимости къ быту Киргизовъ.“ Мало того, забывая что 1½ милліона киргизскаго народа приняли уже новое положеніе безпрепятственно (о чемъ имѣются официальные свѣдѣнія), и только среди нѣсколькихъ тысячъ кочевниковъ, отличавшихся и *прежде непокорностію*, встрѣтились затрудненія при введеніи новыхъ порядковъ, затрудненія, причины которыхъ еще не вполне разъяснились*, забывая это, авторъ говоритъ: „Будемъ надѣяться что „самое положеніе будетъ измѣнено“... степь спасена,

* Г. Арасанскій сообщалъ что большую роль въ неуспѣхѣ введенія положенія въ Оренбургской степи играло участіе въ организационныхъ комиссіяхъ ненавистныхъ Киргизамъ Уральцевъ. При неудачномъ выборѣ лицъ всякая мѣра, какъ бы она хороша ни была, будетъ неуспѣшна.

прибавимъ мы, ханы опять учреждены и русская администрація изгнана! Не такъ ли?

Мы боимся утруждать читателей построчнымъ опроверженіемъ невѣрностей статейки. Въ ней совершенно вѣрны только фразы, говорящія что Киргизы дѣлятся на орды и поколѣнія, что они живутъ въ кибиткахъ и т. п.; остальное или не точно, или совершенно не вѣрно.* Въ заключеніе г. Арасанскій говоритъ: „неудивительно что новое положеніе не соображено съ понятіями народа, ибо составители проекта узнали Киргизовъ только въ 10 мѣсяцевъ путешествія по обширнымъ степямъ пространствомъ въ 98.000 кв. верстъ“ (свѣдовало бы сказать болѣе 2 милл. квадр. верстъ). Г. Арасанскій не знаетъ что степная комиссія, хотя и опредѣлена была въ составѣ только 4 членовъ, но, вслѣдствіе перемѣнъ въ ней лицъ, въ составленіи проекта положенія участвовало *семь* членовъ, изъ которыхъ только *два* не были въ степи до поступленія въ составъ комиссіи; изъ остальныхъ же пяти человекъ одинъ служилъ въ степи болѣе 20 лѣтъ и участвовалъ именно въ управленіи Киргизами; другой управлялъ нѣсколько лѣтъ и управляетъ въ настоящее время областью населенною Киргизами; остальные трое тоже долго служили въ степяхъ, и одинъ изъ нихъ напечаталъ даже трудъ свой объ Оренбургской степи. Члены комиссіи небывшіе прежде въ степи изучали на мѣстѣ бытъ Киргизовъ. Плодомъ трудовъ всѣхъ этихъ лицъ и было положеніе, одобренное, въ главныхъ основаніяхъ, всѣми мѣстными начальствами и безпрепятственно принятое уже большинствомъ народа.

БЫВШІЙ ЧЛЕНЪ СТЕПНОЙ КОМИССІИ.

* Чтобы не дать повода заключить о преувеличеніи подобнаго отзыва о статьѣ г. Арасанскаго, приведемъ еще слѣдующіе невѣрные факты, сообщаемые ею; авторъ говоритъ: новый проектъ *предписываетъ* подрывать родовыя отношенія у Киргизовъ; ни одной такой статьи въ положеніи нѣтъ; опредѣлено только составлять волости и аулы изъ частей, соседственныхъ по земельному пользованію зимовками; а такъ какъ Киргизы имѣютъ обычай располагаться (особенно на зимовьяхъ) по родамъ и вообще по близости къ своимъ, то и въ новыя группы, очевидно, попадетъ большинство однородцевъ. И потому замѣчаніе „что Киргизъ будетъ оторванъ отъ родоваго начала, отъ той почвы на которой онъ стоялъ твердо“, не имѣетъ основанія. Выраженіе „что на волость выбирается бій, а высшая инстанція народнаго суда образуется свѣздомъ біевъ всего уѣзда“, не вѣрно. Свѣдѣніе что *увеличеніе чиновничества произошло и въ другихъ областяхъ* (сверхъ Туркестанской) ошибочно, ибо въ сибирскихъ областяхъ число чиновниковъ, противъ прежняго управленія, уменьшилось и т. д.

** Продолженіе. См. *Соврем. Литоп.* №№ 15, 19 и 22.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

10-го іюля.

Возвращаемся къ киргизскому вопросу, о которомъ мы говорили во вчерашнемъ номерѣ. — «Положеніе о киргизахъ» было изготовлено степною комиссіею; начало дѣлу было положено, но важнѣйшее оставалось впереди. Нужно было выработанное и написанное въ кабинетѣ сдѣлать фактомъ, примѣнить къ практикѣ. Требовалась величайшая осторожность, чтобы какимъ нибудь неловкимъ шагомъ, поспѣшнымъ распоряженіемъ или неудачнымъ выборомъ лицъ, долженствовавшихъ осуществить «Положеніе», не испортить предпріятія въ самомъ началѣ. Посмотримъ, какъ велось дѣло.

Зимою прошлаго года было получено изъ Петербурга «Положеніе». Мнѣнія раздѣлились: одни, между прочимъ, нѣкоторые преданные намъ султаны и вообще люди, хорошо знающіе степь, совѣтовали не спѣшить, а лучше осторожно вывѣдать настроеніе массы и уже потомъ дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ, — даже, если на то пошло, отложить на извѣстное время введеніе «Положенія». Лѣтомъ киргизы прикочевываютъ обыкновенно къ линіи. Предлагали дожидаться этого времени съ тѣмъ, чтобы собрать выборныхъ, растолковать имъ смыслъ новаго порядка вещей и уже потомъ вводить его. Другіе же являлись сторонниками болѣе рѣшительныхъ

мѣръ. Они находили, что чѣмъ скорѣе кончить съ этимъ дѣломъ, тѣмъ лучше. По ихъ мнѣнію, отнюдь не слѣдовало мѣшкать, а, напротивъ, смѣлымъ и быстрымъ образомъ дѣйствіемъ показать киргизамъ, что мы ихъ не боимся, и что распоряженія правительства будутъ приведены въ исполненіе, во что бы то ни стало.

Такъ разсуждали и толковали, но дѣло рѣшило начальство. Были образованы особыя организаціонныя комиссіи, которымъ предписывалось ѣхать по уѣздамъ и тотчасъ же вводить «Положеніе». Въ составъ комиссій было набрано много всякаго народа, и между нимъ не мало людей, недостаточно знающихъ или даже вовсе не знающихъ степи. Между знающими же степь встрѣчалось нѣсколько уральскихъ казаковъ, къ которымъ киргизы особенно нерасположены. Последнее обстоятельство объясняется прежде всего преданіями и причинами историческими, поставившими тѣхъ и другихъ съ самаго начала во враждебныя отношенія. Въ послѣднее время взаимныя неудовольствія уральцевъ и киргизовъ поддерживались съ особеннымъ ожесточеніемъ въ слѣдствіе долгаго спора за владѣніе лѣвымъ берегомъ рѣки Урала: споръ выиграли уральцы. Зимою же покончили свою миссію организаціонныя комиссіи. Дѣятельность ихъ привела, по видимому, къ самымъ успѣшнымъ результатамъ: по крайней мѣрѣ, въ этомъ убѣждали полученные съ разныхъ сторонъ адреса самого успокоительнаго

и пріятнаго свойства. Правда, тогда же стало извѣстнымъ, что нѣкоторыя комиссіи совершенно не были приняты населеніемъ, и что присутствіе въ нихъ уральскихъ казаковъ всюду возбуждало особенное предубѣжденіе. Напротивъ, умѣнье взяться за дѣло и довѣріе со стороны киргизовъ къ лицамъ, вводившимъ положеніе, по мѣстамъ вѣнчались желаннымъ успѣхомъ: ропота не было слышно. Стали затѣмъ поговаривать о многихъ безтактныхъ поступкахъ со стороны членовъ комиссій; но слабый ропотъ пессимистовъ былъ заглушенъ ликованіемъ той партіи, которая видѣла въ примѣненіи «Положенія» не только свое торжество, но и ощутительное улучшеніе матеріальныхъ средствъ со введеніемъ по новому положенію усиленныхъ окладовъ жалованья.

Между тѣмъ дѣло стало подходить къ веснѣ, и тутъ только обнаружилось совершенно очевидно, что радость была нѣсколько преждевременна. Вслѣдъ за возвращеніемъ въ Оренбургъ комиссій, всѣ вдругъ узнають съ удивленіемъ, что степь взволновалась. Впрочемъ, особеннаго значенія этому никто не придавалъ: волненія считали провскамп нѣсколькихъ недовольныхъ личностей, и думали, что дѣло уладится само собою. Но время проходило, а положеніе вещей становилось все хуже и хуже. Въ Оренбургѣ появились киргизы, закупавшіе оружіе, всякій ломъ и старье, а также порохъ, коего цѣна доходила на базарѣ до 3 рублей за фунтъ. Въ то же время почти со всѣхъ сторонъ степи стали приходить свѣдѣнія о томъ, что киргизы отправляютъ женъ и дѣтей вмѣстѣ съ имуществомъ и стадами въ глубь степей къ Усть-Урту, а сами формируютъ шайки для нападенія на русскіе предѣлы.

Начальство думало сначала ограничиться бомандарованіемъ въ степь чиновниковъ и вліятельныхъ лицъ изъ приверженныхъ намъ киргизовъ. Одинъ изъ такихъ чиновниковъ, понадѣявшись на свое краснорѣчіе, попробовалъ усовѣщивать киргизовъ, и представилъ имъ блестящую будущность, которая ихъ ожидаетъ, если они смирятся. Чиновникъ заявилъ при этомъ, что при хорошемъ поведеніи они могутъ стать не

только осѣдлыми гражданами, но и кроткими сынами православной церкви. Однако, рѣчи не тронули слушателей: безъ дальнихъ разговоровъ, киргизы захватили его въ плѣнъ, держали два дня безъ пищи и выпустили только тогда, когда тотъ далъ подписку, что «Положеніе» вовсе не будетъ введено. Такъ, по крайней мѣрѣ, всѣ говорили въ городѣ, и при этомъ чиновника отнюдь не винили: что станешь дѣлать съ двкарями? Другіе вернулись въ Оренбургъ, также ничего не сдѣлавъ. Но зато стало, по крайней мѣрѣ извѣстнымъ, какіе роды особенно сильно встаютъ противъ русскихъ, и какіе слухи возмущаютъ степь.

Киргизы утверждали, что въ Оренбургъ привезено три воза крестовъ, и что ихъ будутъ раздавать киргизамъ, принявшимъ «Положеніе». Толковали про рекрутчину, хотя статья «Положенія» прямо говорила, что отъ рекрутской повинности киргизы освобождаются. Вообще выражали опасеніе, чтобы съ ними не обошлись, какъ съ башкирами, которыхъ приведеніе къ осѣдлости, по мнѣнію киргизовъ, совершенно раззорило. Власти узнали такимъ образомъ, что волненіе охватило Уральскую область, и что въ немъ принимаетъ наиболѣе дѣятельное участіе родъ адаевскій, кочующій ближе къ Усть-Урту между Каспійскимъ, Аральскимъ морями и едва признающій надъ собою нашу власть. Тургайская область была еще тогда въ сравнительно покойномъ положеніи.

Въ то же время въ Оренбургѣ стало извѣстнымъ, что шайки наиболѣе сосредоточиваются по р. Эмбѣ, съ цѣлію напасть на беззащитный Эмбинскій постъ и взволновать тѣ роды, которые еще не возстали. Была ранняя весна, глубокій снѣгъ лежалъ на поляхъ; но тѣмъ не менѣе приказано сформировать двухсотенный казачій отрядъ подъ начальствомъ подполковника Савина (его смѣнилъ войсковой старшина Новокрещеновъ), который и двинулся для усиленія слабаго эмбинскаго гарнизона, не превосходившаго сотни человѣкъ. На пути произошло извѣстное нападеніе на этотъ отрядъ, но было отбито, и Новокрещеновъ благополучно добрался до Эмбинскаго поста. Очевидно было, что возстаніе

въ этихъ мѣстахъ приняло широкіе размѣры. Руководителемъ называли султана Гали-Арсланова, два родственника котораго были убиты во время дѣла.

Тревога въ Оренбургѣ расла все больше и больше. Запрещено продавать киргизамъ оружіе, а продажа пороха запрещена вообще. Со всѣхъ пунктовъ оренбургской и уральской линіи стали доходить тревожные слухи: на Горячевскомъ фортѣ убили двухъ офицеровъ и 12 казаковъ. Поговаривали даже о нападеніи на Илецкую защиту, хотя это оказалось совершеннымъ вздоромъ. Дошли до опасеній за безопасность самаго Оренбурга, и не однѣ дамы и дѣвицы выражали сожалѣніе о скрытыхъ оренбургскихъ валахъ. По ночамъ приказано ходить по городу сильнымъ патрулямъ, и вообще военный Оренбургъ принялъ воинственный характеръ.

Въ апрѣлѣ пришлось уже, не ограничиваясь патрулями, выслать въ степь нѣсколько самостоятельныхъ отрядовъ. Тогда обнаружилось, что возстаніе сравнительно съ первымъ временемъ распространилось еще больше. Совершенно спокойными можно было назвать только Тургайскій уѣздъ и чиклинскій родъ въ Иргизскомъ уѣздѣ. Были высланы отряды, съ цѣлю пройти степь по разнымъ направленіямъ, разбить собравшіяся шайки, ввести «Положеніе» и выстроить не подалеку отъ линіи два укрѣпленія. Особенныя затрудненія при высылкѣ отрядовъ представили обозы. Подъ тяжести отряда Новокрещенова верблюдовъ еще нашли, но найти ихъ для остальныхъ было невозможно, несмотря на всѣ усилія подрядчиковъ. Пришлось обратиться за наймомъ перевозочныхъ средствъ къ жителямъ линіи, и даже въ Бузулукскій уѣздъ. Помимо значительныхъ издержекъ, это повело и къ другимъ неудобствамъ. Волыны подводки идутъ медленно, требуютъ лучшаго корму, на походѣ растягиваются на большое протяженіе и вообще неудобны, особенно въ случаѣ нападенія непріятеля.

Въ настоящую минуту эти отряды находятся въ степи. О дѣйствіяхъ ихъ въ Оренбургѣ ходятъ лишь смутные слухи.

Впрочемъ, всѣ они сводятся къ одному: отряды двигаются по степи безпрепятственно, нигдѣ не встрѣчая киргизовъ. Но точно также безпрепятственно двигаются и киргизскія шайки. Оно и естественно: трудно въ степной войнѣ съ мѣстными жителями рассчитывать изловить бродячую шайку, не обремененную обозомъ и знакомую съ мѣстностію, конечно, не хуже насъ.

Одинъ изъ послѣднихъ отрядовъ, именно отрядъ полковника Штемпеля изъ роты пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ и 2-хъ орудій, долженъ былъ обезпечить уильскую ярмарку, на рѣкѣ того же имени. Она бываетъ обыкновенно два раза въ годъ, весной и осенью, но на этотъ разъ никто, конечно, на нее не явился, и отрядъ прогулялся безполезно. Недавно въ Оренбургѣ распространились самые зловѣщіе слухи относительно участи, постигшей Штемпеля. Говорили, будто отрядъ весь вырѣзанъ. Потомъ отъ лица, шедшаго вслѣдъ за Штемпелемъ съ другимъ отрядомъ, узнали, что Штемпель дѣйствительно въ критическомъ положеніи и окруженъ скопищами киргизовъ. Наконецъ, пріѣздъ одного изъ участниковъ штемпелевской экспедиціи успокоилъ городъ и общественное мнѣніе. Узнали, что, когда Штемпель подходилъ къ Уилу, на его обозъ въ одномъ проходѣ напали киргизы въ числѣ до 20 т. и отбили нѣсколько повозокъ. Отрядъ успѣлъ, однако, сосредоточиться и сталъ отражать киргизовъ пальбою. Много положили киргизовъ, остальные отошли на приличное разстояніе и, окруживъ отрядъ со всѣхъ сторонъ, держали его двое сутокъ въ блокадѣ. Попытки десятка смѣльчаковъ казаковъ пробиться, чтобы дать знать о положеніи отряда, кончились тѣмъ, что ихъ всѣхъ перерѣзали. Тоже участь постигла и казачьяго офицера, переодѣвагося киргизомъ, и думавшаго пробраться тайкомъ. А въ лагерь уже совсѣмъ не было воды, и волы стали падать отъ истощенія. Пришлось рѣшиться на послѣднее средство, и отрядъ пробился, двинувшись затѣмъ по направленію къ Калмыковскому укрѣпленію.

Это—послѣднія и новѣйшія свѣдѣнія.

Имъ, конечно, нельзя придавать иного значенія, какъ частнымъ сообщеніямъ и слухамъ: но при полномъ недостаткѣ какихъ бы то ни было извѣстій весьма важны и эти. Если насъ способны расшевелить только кровавые факты, то они были уже въ киргизскомъ движеніи.

Крупные результаты возстанія въ степи начинаютъ по немногу уже обнаруживаться. Въ перспективѣ ихъ можно предвидѣть еще больше. Нынѣ говорятъ о новыхъ и весьма значительныхъ расходахъ казны, сопряженныхъ съ высылкою въ степь отрядовъ. Киргизскій вопросъ въ его настоящемъ видѣ отражается особенно сильно на торговлѣ, онъ является тяжелымъ ударомъ не для однихъ лишь мѣстныхъ торговцевъ, но и для всѣхъ лицъ, принимающихъ какое-либо участіе въ нашихъ азіатскихъ торговыхъ дѣлахъ. Такъ какъ сообщеніе съ Туркестаномъ ненадежно, то отправка каравановъ весьма затруднительна. Недавно въ Оренбургъ пришелъ бухарскій караванъ, въ которомъ изъ 300 верблюдовъ, вышедшихъ изъ Бухары, осталось всего 90. Одинъ разъ уже сообщеніе съ Туркестаномъ совсѣмъ было прервалось, и хотя теперь оно возстановлено, но за полную безопасность его въ будущемъ трудно поручиться. Вообще караванная торговля съ ханствами пріостановится на болѣе или менѣе продолжительное время, а это будетъ равно невыгодно и для насъ, и для нихъ. На мѣну въ началѣ іюня еще никто не являлся. Многіе оренбургскіе купцы, отдавшіе свои товары киргизамъ на срокъ, съ тѣмъ, чтобы получить за нихъ въ настоящемъ году условную

плату базанами или какими нибудь мѣстными сырыми произведеніями, могутъ ничего не получить, несмотря на извѣстную въ этихъ дѣлахъ честность своихъ должниковъ. Въ слѣдствіе того, во всѣмъ краѣ цѣны на скотъ, лошадей и сало сильно повышаются. Нѣтъ ничего неизвѣстнаго, что намъ придется услышать и про нѣсколько несостоятельствъ. При подобныхъ обстоятельствахъ могутъ лопнуть и очень солидныя фирмы.

И для нижегородской ярмарки возмущеніе въ степи весьма неблагоприятно, если только къ августу оно не уймется. Весь азіатскій отдѣлъ товаровъ нашихъ или, по крайней мѣрѣ, значительнѣйшая часть ихъ, останется нераскупленными.

Но болѣе всего пострададутъ сами киргизы. Основа ихъ благоденствія, стада, отправлены ими въ Усть-Урту, гдѣ нѣтъ хорошихъ пастбищъ, особенно для такой массы скота. Начнется, чего добраго, падежъ, а вмѣстѣ съ нимъ можно опасаться всевозможныхъ бѣдствій для степи.

Не для того рисуемъ мы эти мрачныя картины, чтобы страшить или запугать кого бы то ни было. Справиться мы, конечно, съ киргизами—справимся, не въ томъ дѣло. Но вопросъ въ жертвахъ, которыя придется принести, и которыя государству не могутъ обойтись дешево. Неосторожно сброшенный съ вершины горы камень, легко можетъ превратиться у подошвы ея въ грозный и опустошительный заваль.

810817

СОВРЕМЕНИКЪ

1864

№ VI ЮНЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА

(На Литейной, близъ Невскаго проспекта, домъ Зыбиной № 60)

Digitized by Google

Буб-ев, К.

718

КИРГИЗСКАЯ СТЕПЬ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ЧАКАНУ ВАЛИХАНОВУ).

ПЕРЕЪЗДЪ ДО КОРЯКОВА, КОРЯКОВСКОЕ СОЛЯНОЕ ОЗЕРО; КАЗАЧЬИ ПИКЕТЫ. —
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КАЗАКАМИ И КИРГИЗАМИ. — КОЧЕВКИ. — О ЖИЗНИ ВЪ СТЕП-
НЫХЪ УКРѢПЛЕНИЯХЪ. — БАЯНЪ-АУЛЬ. — КАРКАРАЛИНСКІЙ ОКРУГЪ.

Подъ словомъ степь мы привыкли понимать ровныя, гладкія, без-
плодныя пространства, но вы, читатели, очень ошибаетесь, если во-
образите себѣ такую, Сибирскую *киргизскую степь*, то есть въ родѣ
Херсонскихъ, при-Азовскихъ или Астраханскихъ степей. Напротивъ,
большая часть земель, на которыхъ кочуютъ средняя и большая кир-
гизскія орды, очень разнообразна по формации и по флорѣ, а въ
иныхъ мѣстахъ природа даже игрива. Конечно, я не говорю о равни-
нѣ, начинающейся отъ оренбургской линіи, прорѣзываемой рѣкою
Ишимомъ и спускающейся къ рѣкѣ Чу, словомъ, о западной полосѣ
области сибирскихъ киргизовъ; эта сторона — настоящая степь, и объ
ней я умолчу, а поведу рѣчь о Баянъ-Аульскомъ и Каркаралинскомъ
округахъ.

Впрочемъ, пока доберешься до этихъ степныхъ базисовъ, прихо-
дится проѣхать болѣе 400 верстъ отъ Омска по казачьей линіи, на-
скачущей и утомляющей проѣзжаго своею однообразностію и фор-
менностію.

Дорога отъ Омска до Корякова, идущая по правому берегу Ирты-
ша, ровная, гладкая, ни бугорка, ни пригорка; въ сухую погоду —

вы рѣшительно мчитесь, за то въ грязь намучитесь. Иртышъ точно преслѣдуетъ, гонится за вами; сначала онъ отъ Омска уходитъ, какъ бы прячется на время, но при приближеніи къ первой станицѣ онъ вновь появляется и, повторяя это нѣсколько разъ, вѣтся по правую сторону до самаго Корякова. Берега на всемъ этомъ разстояніи безлѣсны, но по окраинамъ дороги идутъ березовые кустарники, а у станицъ почти вездѣ такія же рощи. Станицы, какъ вездѣ, выстроены въ линію, у бревенчатыхъ пѣзбъ кое-гдѣ торчатъ деревцо, но при проѣздахъ начальства, прежде, у домовъ цвѣли березы, т. е. рубили и всаживали деревья. Молодого народу не видно — на службѣ, а въ станицахъ остаются резервные казаки, старики, да женщины съ ребятишками; вообще казачьи поселенія, особенно 6-го полка, напоминаютъ собою высылки бобылей; хозяйничать имъ не падѣтъ, да и не могло развиваться у нихъ правильнаго хозяйства.

До 1860 года, въ которомъ послѣдовало преобразование, сибирскій казакъ отъ рожденія и почти до смерти принадлежалъ казѣ и существовалъ ею; въ малолѣтствѣ получалъ паекъ, а на службѣ состоялъ на всемъ казенномъ, т. е. одежду, оружіе, амуницію и проч. имѣлъ казенную, какъ равно и лошадь; часто требовался на службу до окончанія срока льготы. При такихъ условіяхъ трудно было сдѣлаться прочнымъ, достаточнымъ домохозяиномъ и собственникомъ, да казаки и хлѣбопашествомъ занимались только по приказанію начальства. Есть, правда, между ними очень зажиточные, но это такъ называемое торговое сословіе, разбогатѣвшее разными косвенными путями. Однако я уклонился въ сторону, возвратимся на дорогу. Отъ станицы до станицы пустырь налѣво и направо; за Иртышемъ степь сливается съ горизонтомъ, только земляныя пирамиды, указывающія дорогу, выдаются изъ общей глади черными пятнами. Въ зиму, особенно въ бураны, пирамиды эти служатъ единственными проводниками и спасителями отъ смерти, безъ нихъ можно захватъ Богъ вѣсть куда, или скорѣе никуда не доѣдешь, а сгинешь, потому что по сторонамъ нѣтъ жилыхъ мѣстъ. Но со мной не могло случиться этого, потому что я ѣхалъ лѣтомъ, и доскакалъ безъ всякихъ особенныхъ приключеній до Корякова.

Можетъ быть, захотятъ узнать, что такое Коряковъ, такъ какъ я нѣсколько разъ упомянулъ объ немъ. Этотъ форпостъ — большая станица, штабъ 7-го казачьяго полка, сотня бревенчатыхъ домиковъ съ таможенною заставою, съ нѣсколькими чиновниками, да десятокъ мелкихъ торговцевъ, надувающихъ киргизовъ; преобладающее же населеніе — казаки. Хотя онъ выпѣ и переименованъ въ городъ, но общественной гражданской жизни въ немъ нѣтъ, поэтому въ подробностяхъ о немъ тоже нѣтъ надобности. Посмотримъ

лучше Коряковское соляное озеро, прокармливающее всю Тобольскую губернію. По дорогѣ къ озеру, отстоящему отъ Корякова въ 25-ти верстахъ, тянулись арбы и телеги съ солью; лошаденки киргизскія тощія, почти безъ шерсти, облѣзшей отъ соленой воды, едва двигались; верблюды тоже на половину лысые, съ шаршавыми клочками шерсти на груди, упрямылись, ревѣли; мычаніе ихъ вмѣстѣ со скрипомъ и пронзительнымъ визгомъ несмазываемыхъ колесъ въ abraхъ оглушали дикою гармонією. Погонщики-киргизы, грязные, оборванные, шли какъ-то лѣнливо и боязливо оглядывали нашъ поѣздъ.

— Васъ, кажется, удивляетъ эта картина? спросилъ меня одинъ изъ спутниковъ, наблюдавшихъ за выломкою соли:—положите, продолжалъ онъ, посмотрите влѣво: видите розовую полосу? — это соляное озеро.

Все видимое пространство понемногу понижалось, показалась розовая рѣка, а вправо, на косогорѣ, торчало два домпка и вышка въ родѣ голубятни.

— Что это за строенія?

— Домъ смотрителя, казарма и казачій пикетъ.

— Здѣсь, куда ни повернись — вездѣ казаки.

— Нѣтъ, тутъ они еще не такъ необходимы, а вотъ въ степи и шагу не сдѣлаете безъ нихъ.

Отказавшись зайти въ домъ, я поторопился къ озеру. Былъ полдень, и какъ солнце стояло надъ озеромъ (*), то вода имѣла розоватый отливъ. На берегу сдѣланъ деревянный помостъ, на который опрокидываютъ вытаскиваемыя изъ воды тачки съ солью. Иные киргизы совершенно голые, другіе въ однихъ сорочкахъ, у многихъ на тѣлѣ красныя пятна, кожа сморщенная и покрыта какъ бы слоемъ пыли, лица точно напудренные, всѣ кажутся сдѣлыми; лошади безъ шерсти, покрыты сплошнымъ осадкомъ соли, изъ-подъ котораго струится кровь. Противъ помоста, отъ одного берега до другаго, озеро запружено арбами, впряженными въ одну и въ двѣ лошади, да тачками, поддерживаемыми киргизами на себѣ; киргизы кишатъ, какъ въ муравейникѣ: одни выламываютъ желѣзными ломомъ соль, другіе взбрасываютъ ее лопатами. Вода въ этомъ мѣстѣ мутнаго, грязнаго цвѣта, а видѣ бурые круги — отъ крови изъ ранъ у киргизовъ и лошадей.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ я того же спутника:—неужели такъ глубокъ осадокъ соли, что выламываютъ 2, 3 тачки на 2-хъ-аршинномъ квадратѣ?

(*) Не знаю, почему оно называется озеромъ: это скорѣе рѣка, или пачала, ни конца не видно, оно тянется на 27 верстъ.

— Да, здѣсь богатство неизсякаемое; не хотите ли посмотрѣть то мѣсто, гдѣ была выломка полтора мѣсяца назадъ, и гдѣ уже опять готовы тосатые слои соли,—это озеро, вѣроятно, все изъ родниковъ или подземныхъ ключей.

Подали тележку на парѣ, мы вскарабкались, вода доставала до колѣнъ лошадямъ, изъ которыхъ одна, имѣя раны на ногахъ, начала выдѣлывать такіе прыжки, что мы едва не выкупались въ соленой водѣ. Отъ берега пошли ямы и косогоры, часто одно колесо проваливалось, а другое подымалось вверхъ; возница, замѣтивши наше безпокойство, соскочилъ и повелъ лошадей на середину озера. Здѣсь воды было уже не болѣе, какъ четверти на двѣ, и сквозь розоватый цвѣтъ ея виднѣлась ледяная гладь, какъ бы мозаика изъ правильныхъ параллелограммовъ. Попробовавши ломомъ, мы убѣдились, что соль накристаллизовалась за шесть недѣль на полтора аршина въ томъ мѣстѣ, которое было очищено до земли. Послѣ этого не удивительно, что выламывается ежегодно до 800,000 пудовъ соли, и озеро не исхопается; но вы, читатель, удивитесь, если я скажу, что выломка одного пуда соли съ доставкой за 25 верстъ къ солянымъ буграмъ обходилась $1\frac{3}{4}$ коп. сереб.

Должно быть, плохое житіе киргизамъ, когда они за такую ничтожную плату такъ тяжело работаютъ, испытывая страданія и истязая свою скотину. По моему разсчету три работника съ парой лошадей или однимъ верблюдомъ едва ли заработаютъ 60 копѣекъ въ сутки.

При такой дешевой платѣ за добычу матеріала, цѣна на соль, казалось бы, должна быть очень умѣренна въ Сибирѣ; между тѣмъ она продавалась въ казенныхъ магазинахъ до 45-ти копѣекъ за пудъ. Но мужичку, пріѣзжающему за 40 и 50 верстъ въ городъ рѣдко удавалось добыть соли изъ казеннаго магазина: то вахтеръ отлучился, то приставъ не принялъ еще, то разрѣшенія палаты не получено на цѣны, и онъ обращался къ частнымъ продавцамъ по узаконеннымъ свидѣтельствамъ, платя по одному рублю серебромъ за пудъ. Бывали и такіе примѣры (въ 1859 году), что мѣстные чиновники подставляли частныхъ торговцевъ и, выпустивши сразу соль изъ магазиновъ, не требовали новой, пока не распродалась своя по свидѣтельствамъ.

Почему же, спросятъ, такъ дорого продается соль отъ казны?

До 1860 года перевозка соли производилась на казенныхъ коноводныхъ машинахъ, подъ опекою казенной палаты и по составленнымъ ею смѣтамъ. Одна коноводка зпмовала въ Тобольскѣ, оснащивалась и исправлялась *хозяйственнымъ образомъ*, а съ весною плыла безъ груза въ Коряковъ. Другая, зимую въ Коряковѣ, нагружалась солью и по вскрытіи Иртыша отправлялась въ Тобольскъ, развозя соль по

спопутнымъ магазинамъ. Коноводки буксировали по девяти баржъ, для чего нужно было нѣсколько десятковъ рабочихъ, транспортъ требовалъ частыхъ поправокъ: канаты безпрестанно лопались, гнили, якоря терялись, и прочее, и прочее. А главное—на коноводкахъ бывало по 40 (можетъ и больше) лошадей на казенномъ продовольствіи. Но съ 1860 года перевозка соли отдана въ частныя руки — и по Иртышу уже скользятъ пароходы, изумляющіе казаковъ и удивляющіе киргизовъ, которые увѣряютъ, что въ трубѣ парохода сидитъ шайтанъ (чортъ), изрыгаетъ пламя и вертитъ хвостомъ, отъ чего машина и движется. Съ передачею перевозки соли въ подрядъ уменьшились расходы казны, и сокращено число чиновниковъ солянаго отдѣленія тобольской казенной палаты, а между тѣмъ цѣна на соль, какъ я узналъ изъ газетъ, возвышена по нѣкоторымъ округамъ. Что бы это значило?... Неужели старому солянному докладчику удалось убѣдить въ невыгодности перевозки по подряду? Вѣдь это былъ бы шагъ назадъ.

Оставимъ соль и соляное начальство, возвратимся къ Иртышу, — да и въ степь, а то, если подуетъ сѣверный вѣтеръ, то нельзя будетъ переправиться: Иртышъ сильно бурлитъ въ непогоду.

Вечерѣло, все коряковское населеніе, преимущественно козаки въ форменныхъ фуражкахъ и въ халатахъ, толпилось у берега къ каравану, пришедшему изъ степи; киргизы конные, пѣшіе и съ арбами проталкивались поближе къ парому, но старшій урядникъ, охранявшій порядокъ при переправѣ, осаживалъ ихъ назадъ, пропуская впередъ пользующихся милостію его почтенія. Многимъ пришлось бы оставаться на берегу до утра, если бы не случилось проѣзжаго по казенной надобности, приказавшаго пропустить киргизскія арбы. Киргизы, услыхавъ объ этомъ, стремглавъ бросились, но конвойные казаки отталкивали ихъ и хотѣли было пустить въ ходъ нагайки.

— Какъ ты смѣешь драться, и зачѣмъ не пропускаешь народа къ парому? спросилъ я казака.

— Да съ ними иначе нельзя, отвѣтилъ мнѣ казачокъ.

Успѣвшіе вскочить на паромъ перекликались съ оставшимися на берегу, толкотня продолжалась еще нѣсколько минутъ, пока не раздалось громкое приказаніе его почтенія — «отчаливай». Заложили барьеръ, рулевой повторилъ приказаніе урядника, гребцы разошлись по мѣстамъ, ударили дружно веслами, и паромъ, покачавшись, поплылъ по теченію. Отъ быстроты теченія Иртыша, паромъ уноситъ въ противоположную сторону за 2½ версты влѣво, откуда его тащутъ по берегу до пристани канатомъ, привязаннымъ къ хвостамъ лошадей. Несчастное животное мучится, спотыкается, падаетъ на колѣни, а гребцы-киргизы, поспѣвая его безпрестанно нагайками, перебра-

ниваясь между собою, возьмутся только тогда за канатъ, когда лошади окончательно устанутъ.

Погода была тихая, и мы скоро причалили къ пристани; вышедши на берегъ, я былъ уже въ степи, или за границей — какъ говорятъ въ Сибири. Казацкія лошади, рѣдко пробующія овесъ, поплелись рысдой, да при станціи въ 45 верстъ трудно и ѣхать скорѣе, конвойные тряслись по бокамъ телеги, то поправляя ружье, колотившее ихъ въ спину, то поспегивая нагайкой пристяжныхъ ради развлечения.

Итакъ, я за границей. Иртышъ, измѣнившій здѣсь нѣсколько свой правый берегъ, врѣзался версты на двѣ угломъ въ степь и ушелъ вдаль. Пошли пролѣски по кочковатому грунту; за ними дуга, и издали видѣлись соляныя озера, состоящія подъ запретомъ казны, выломка соли изъ которыхъ считается контрабандою.

Отъ Корякова до перваго пикета 45 верстъ; пока придетъ до него очередь, я разскажу о способѣ путей сообщенія съ киргизскою степью. Изъ пограничныхъ пунктовъ сибирской казачьей линіи, именно изъ Петропавловска, Корякова и Семипалатинска идутъ линіи пикетовъ въ укрѣпленные, административно-центральные пункты, гдѣ устроены гражданскіе приказы (*) и размѣщены воинскія команды; отъ этихъ пунктовъ проведена линія пикетовъ въ другія укрѣпленія внутри степи и къ границамъ.

Тащисься, или мчисься, съ опасностію сломить шею (смотря по тому, какія лошади попались: казачьи или киргизскія), верстъ 35—40, пока увидишь признаки жилья: расположенное 4-хъ угольникомъ строеніе какого-то неопредѣленнаго цѣта. Ямщикъ изъ резервныхъ казаковъ, измученный 4-хъ часовымъ понукиваніемъ да поспегиваніемъ кнутомъ почтовой тройки, промолвитъ радостно: вотъ пикетъ, а конвойный поскачетъ впередъ предупредить урядника о званіи проѣзжающаго для подобающей встрѣчи. — Небольшая казарма съ бойницами въ наружной стѣнѣ, раздѣленная на два помѣщенія: одно для казаковъ, другое для урядника съ перегородкою для проѣзжающихъ, да 3-хъ угольная ограда, вмѣщающая въ себѣ конюшни, сарай и аммуничникъ, окопанная рвомъ, составляютъ пикетъ, то есть жилище для нарядныхъ на 1 или 2 года козаковъ, и крѣпость для защиты въ случаѣ нападенія киргизовъ. Лѣтомъ пикеты почти пусты; кромѣ караульнаго да исполняющаго должность стряпки и уряд-

(*) Въ обѣихъ областяхъ западной Сибири — во всѣхъ округахъ, кромѣ Ала-тавскаго (кочевки Большой орды), существуютъ приказы; они соединяютъ въ себѣ земскій и уѣздные суды, и состоятъ подъ предсѣдательствомъ старшаго султана, выбираемаго султанами, старшинами и чиновниками киргизцами, — изъ 2-хъ киргизскихъ и 3-хъ русскихъ засѣдателей; изъ послѣднихъ одинъ непрежнній, постоянно присутствующій (онъ-то съ секретаремъ и управляетъ всѣми дѣлами приказа), а 2 участковые, находящіеся постоянно въ разъѣздахъ для производства слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ.

ника никого больше нѣтъ, — казаки или на уборкѣ сѣна, или на охотѣ. Надо удивляться, чѣмъ они существуютъ, хозяйствомъ не обзаводятся, а какъ птицы небесныя, ни сѣютъ, ни жнутъ, но бываютъ сыты. Пикеты стоятъ одиноки, вокругъ нихъ на нѣсколько верстъ пустыня и безлюдье. Киргизы никогда не располагаются на продолжительное кочеваніе возлѣ пикетовъ, развѣ только мимоходомъ, карауля по ночамъ свои стада.

Киргизы по казакамъ составили себѣ невыгодное понятіе объ урусѣ (русскомъ), въ чемъ поддерживали ихъ рабочіе алтайскаго горнаго вѣдомства, перевозившіе казенный свинецъ изъ рудника Поповыхъ и грабившіе киргизовъ формальнымъ образомъ. Бросивши по дорогѣ измученныхъ лошадей или привязавши въ лѣсу, транспортъ объявлялъ на пикетѣ о покражѣ у нихъ близъ кочующими киргизами нѣсколькихъ лошадей; завязывалось дѣло, и аульные старшины, напуганные остановкою *царскаго* (казеннаго) свинца, собирали съ общества лошадей и отдавали ихъ, лишь бы не привлечь къ себѣ слѣдствія, котораго они боятся, какъ разорительнаго общаго бѣдствія. Бывало еще и то, что ночью рабочіе дѣлали засаду у того мѣста, гдѣ бросали лошадей, и если киргизы наѣзжали случайно и останавливались, то ихъ ловили, какъ конокрадовъ, представляли начальству. Въ 1856 году, въ бытность мою въ каркаралинскомъ округѣ, киргизы откочевывали верстъ за 50 отъ дороги, бросали удобныя пастбища, только бы не сталкиваться съ алтайцами. Мнѣ самому случалось слышать отъ нихъ, что настоящіе шайтаны — это заводскіе люди. Обходящихся же съ ними ласково, по-человѣчески, киргизы не хотятъ признавать русскими (*). Разъ, увидѣвъ малороссіянъ, провозившихъ черезъ степь въ какое-то укрѣпленіе провіантъ на волахъ со всѣми чумацкими обычаями (какъ-то: вечеромъ они варили кашу изъ своихъ припасовъ, не требуя ни барана, ни другаго чего, ложились спать послѣ общей молитвы и поутру трогались въ дорогу тоже послѣ молитвы) — киргизы съ большимъ любопытствомъ слѣдили за малороссами и разспрашивали, что это за народъ, и откуда онъ появился?

Кочующіе близъ линіи киргизы, посѣщающіе крестьянскія деревни и города, не слѣдали бы подобнаго заключенія, но кочующіе въ глубинѣ степи не сталкивались ни съ кѣмъ, кромѣ казаковъ и рабочихъ горнаго вѣдомства, по которымъ и составили себѣ общее понятіе о русскихъ.

Однако, я далеко уклонился; время возвратиться къ дорогѣ. Че-

(*) Все, что я говорю вообще о киргизахъ, относится не къ одному какому нибудь округу, а ко всей средней ордѣ, и приводимые мною факты и случаи иногда бывали въ семипалатинской области и въ кочевкахъ Большой орды.

резъ два пикета начали, въ сторонѣ отъ дороги, показываться аулы, располагающіеся лѣтомъ всегда на открытыхъ, низменныхъ мѣстахъ близъ озеръ и рѣчекъ; аулы составляютъ нѣсколько десятковъ войлочныхъ шалашей (юртъ), расположенныхъ кругомъ, съ полянами между ними, на которыхъ днемъ сидятъ киргизки, занимаясь какою нибудь работою, и бѣгаютъ голые ребята, а вечеромъ доятъ овецъ и кобылъ, готовятъ кумысъ; мужчины всегда отдѣляются отъ женщинъ, размѣстившись гдѣ нибудь въ концѣ аула, или у табуновъ, или бродя гурьбой изъ юрты въ юрту, и положительно ничего не дѣлаютъ, особенно зажиточные, имѣющіе нѣсколькихъ женъ, на которыхъ лежатъ всѣ домашнія работы. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы киргизы ничего уже не дѣлали: они придумываютъ себѣ забавы; напримѣръ, усядутся 4—5 человекъ на воловью кожу, привязанную къ хвосту лошади, на которой сидитъ верхомъ мальчишка и возитъ кожу по полю, а тучные султаны бесѣдуютъ въ это время между собою. Почти у каждой юрты стоитъ осѣдланная лошадь; нѣсколько всадниковъ кружатся около табуновъ, нѣкоторые выѣзжаютъ на дорогу поглазѣть на проезжаго; если аульному старшинѣ или султану вздумается прокатиться верхомъ или осмотрѣть свои табуны, то весь аулъ садится на коней и провожаетъ ихъ. При передвиженіи на новую кочевку, т. е. по вытравленіи травы на прежней, впереди ѣдетъ глава рода на лучшемъ бѣгунѣ, прочіе мужчины тоже верхами, а пожилыя женщины идутъ пѣшкомъ возлѣ выючныхъ лошадей съ перекинутыми черезъ сѣдло плетенками, въ которыхъ сидятъ маленькія дѣти, потомъ слѣдуютъ выюки съ домашнею утварью и жилище киргиза, юрта, разобранныя и навьюченные у богатыхъ на верблюдѣ, а у бѣдныхъ на быкахъ; здѣсь же джигитуютъ верхомъ любимыя, молодыя жены и дѣвушки зажиточныхъ семействъ. Табуны и стада гонятъ поодаль, и вокругъ нихъ движется конная цѣпь; составляющіе цѣпь, также табунники и пастухи всѣ о дву-конь (*), нѣкоторые вооружены айбалтами (**).

(*) Ызда о дву-конь состоитъ въ томъ, что на одной лошади ѣдетъ, а другую, осѣдланную, ведетъ на привязанномъ къ сѣдлу длинномъ арканѣ, позволяющемъ свободной лошади пастись на ходу, при тихой ѣздѣ; когда одна лошадь устанетъ, то верховой пересаживается на другую; этотъ маневръ киргизы дѣлаютъ очень ловко, даже на маршъ-маршѣ. Киргизы на баранту—на угопъ вооруженною рукою табуновъ и стадъ—а также на грабежъ и при преслѣдованіи барантовщиковъ, отправляются о дву-конь для того, что, въ случаѣ преслѣдованія, если устанетъ одна лошадь, или убьютъ ее, то можно ускакать на другой; а коканцы, ташкенцы и при веденіи войны тоже выѣзжаютъ о дву-конь. Но бѣдники джатаки, кочующіе близъ русскихъ поселеній, часто ѣздятъ вдвоемъ на одной лошади или быкѣ.

(**) Айбалтою называется національное оружіе—маленькая сѣкира на длинной желѣзной рукояткѣ, которою обороняются и наносятъ удары, какъ кистенемъ.

За два пикета отъ Баянъ-аула окрестности рѣзко измѣняются; виднѣвшаяся издали, темно-синяя полоса тоже переимѣнилась въ зеленую и рельефно очерчивала баянъ-аульскія горы; кремнистый грунтъ перешелъ въ каменистый, пошли пригорья, поросшія сосновымъ лѣсомъ, зашумѣли горные ручьи, по дорогѣ показались телеги, возы, арбы, конные и пѣшіе казаки, солдаты и киргизы, — словомъ, повѣяло иною, не степною жизнью. Послѣдній пикетъ расположенъ у предгорья, дорога въ укрѣпленіе уклонилась влѣво, а вправо виднѣлась гряда горъ, вмѣщающихъ въ себѣ серебро-свинцовые и мѣдные рудники, откуда въ 10 верстахъ находится чугуно-плавильный заводъ Попова, гдѣ работы производились безъ всякой системы, въ высшей степени безалаберно и людьми, незнакомыми съ горнымъ дѣломъ. Не знаю, усовершенствовалась ли тамъ заводская процедура, но въ то время во всемъ былъ ералашъ, съ рабочими большею частію обращались не совсѣмъ добросовѣстно, а о близъ-лежащихъ киргизскихъ пастбищахъ и казенныхъ лѣсахъ говорить нечего: ихъ истребляли немилосердно.

Горы чрезвычайно интересовали меня, и я, не воспользовавшись любезностью управляющаго заводомъ, предлагавшаго мнѣ экипажъ, для проѣзда въ Баянъ-аулъ черезъ пикетъ, отправился верхомъ съ казакомъ по прямой дорогѣ. Отъ завода вся мѣстность представляла покатость, покрытую зеленью и цвѣтами; самыя высокія точки горъ, поросшія вѣковыми соснами, отсвѣчивались отъ заходящаго солнца различными тѣнями. Черезъ недолгое время мы, что называется, уперлись въ горы, которыя точно выросли изъ земли. Кудаже теперь поворачивать? спросилъ я у казака. «Сначала поѣдемъ средней *сѣделкой*, а потомъ, переваливши черезъ горы, возьмемъ влѣво; но вы подождите здѣсь: я сбѣгаю въ нашу покосную избушку, тутъ не далеко, возьму у ребятъ ружье или пистолеты, а то, не ровенъ часъ, можетъ попасться черный звѣрь (медвѣдь), или барантачъ.» Казакъ поскакалъ и я остался одинъ. Хотя видъ былъ великолѣпный: впереди хребетъ горъ, вокругъ съ золотистыми отливками долина, виднѣлся заводъ и кругомъ далеко было видно во всѣ стороны, но одиночество, не совсѣмъ безопасное въ степи, охлаждало желаніе любоваться красотою природы; при томъ же начало темнѣть и свѣжѣть, а конвойнаго моего что-то не видно. Прождавъ $\frac{3}{4}$ часа, я направился по тропинкѣ къ избушкѣ и скоро встрѣтилъ казака, бѣдующаго чуть не шагомъ, и вооруженнаго ломтемъ хлѣба и кускомъ мяса.

— Гдѣ же ружье и пистолеты, за которыми ты ѣздилъ, да гдѣ пропадалъ около часа, когда здѣсь въ оба конца всего три версты?

— Виноватъ, я сегодня цѣлый день не ѣлъ, бѣгалъ съ почтой. Въ

избушкѣ ребятъ нѣтъ, и ружья не могъ найти, а увидѣвши въ печи щи съ мясомъ, что нашему брату рѣдко случается пробовать, я пообѣдалъ, да вотъ еще и на закуску захватилъ съ собою, отвѣтилъ казакъ.

Не возражая на такое уважительное оправданіе, я спросилъ его: «какъ же мы поѣдемъ ночью въ горы безъ оружія, когда, можетъ быть, какъ ты увѣрялъ, опасность отъ звѣря или разбойника».

— Да ничего, проѣдемъ какъ нибудь и съ этимъ... отвѣтилъ мнѣ конвойный, показывая на пашку и помахивая нагайкой.

Дѣйствительно, мы доѣхали, только испытали много непріятныхъ случайностей: приходилось взбираться по такой крутизнѣ, что выбивало изъ сѣдла, царапались пѣшкомъ по обрывамъ, придерживаясь за кусты, а при переѣздѣ черезъ рѣчку лошади заупрямились, и мы брели по колѣни въ водѣ. Послѣ перевала черезъ главную высоту мы выѣхали на поляну, гдѣ я, во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей, хотѣлъ остаться до утра, но казакъ объявилъ, что здѣсь нельзя ночевать, — медвѣдь легко можетъ набрести на насъ. Эта угроза придавала мнѣ рѣшимость продолжать путь. Послѣ нѣсколькихъ подъемовъ и спусковъ мы выѣхали на покатошь, внизу которой засверкали огни. — Это Баянъ-аулъ — сказалъ казакъ.

— Тронемъ рысью, пошелъ впередъ.

— Нельзя, тутъ есть обрывы, еще 3 версты, а лошади измучились. Нечего было дѣлать, какъ ни хотѣлось поскорѣе добраться до ночлега, и едва къ одиннадцати часамъ пріѣхалъ я въ Баянъ-аулъ.

Сколько мизеренъ Баянъ-аульскій приказъ (онъ же и укрѣпленіе) по своимъ постройкамъ, по маленькимъ домишкамъ и казарменнымъ казеннымъ зданіямъ, обнесеннымъ рогатками и составляющимъ крѣпость, столько же и богатъ и живописенъ по окружающей его мѣстности. Онъ пріютился одною стороною къ горамъ, покрытымъ густымъ лѣсомъ, а другою къ большому озеру, постоянно пѣнящемуся и называемому *сабунды* (мыльное).

Русскія поселенія въ степи — глушь въ своемъ родѣ, — сказано Азія, какъ говорятъ казаки, такъ и есть Азія; но жизнь въ нихъ гораздо своснѣе и отраднѣе, чѣмъ въ сѣверныхъ углахъ Сибири. Общество, состоящее изъ однихъ служащихъ, съ преобладаніемъ военного сословія, весною и лѣтомъ озабочено приготовленіемъ къ ревизіямъ и смотрамъ, а зимою свою отчужденность вознаграждаетъ комфортабельною обстановкою, въ которой журналы и книги занимаютъ не послѣднее мѣсто. Впрочемъ у многихъ, особенно у казаковъ и у линейцевъ, большая часть времени проводится за картами да за закусками съ прохаживаніемъ по водочкѣ, которая ставится на столъ въ

началъ вечера и не убирается до ухода послѣдняго гостя. Но многіе слѣдятъ съ большимъ любопытствомъ за общими сибирскими новостями (собственно омскими, имѣющими для степняковъ значеніе стóличныхъ) и за своими ближайшими. У нихъ подъ рукою свои живыя новости—цѣлый округъ киргизовъ, жизнь которыхъ во многихъ отношеніяхъ интересна. Часто бываютъ тяжёбныя и спорныя дѣла, разбираемыя *гласно* судомъ біевъ — почетныхъ лицъ; при выборѣ старшаго султана и другихъ должностныхъ лицъ, всегда бываетъ борьба двухъ партій: съ одной стороны стоятъ во главѣ назначенные начальствомъ чиновные аристократы, а съ другой стороны претендуютъ родовые султаны,—національная аристократія; иногда пропадутъ безъ вѣсти смѣлые казаки, ворвавшіеся въ дальній аулъ, — черезъ что начинается слѣдствіе... и весь округъ поднять на ноги, всѣ боятся... Наконецъ съ апрѣля по сентябрь идутъ ревизіи и смотры, набѣгаютъ генералы, губернаторы съ адъютантами и канцеляріями. Баянъ-аульскій старшій султанъ, происходящій изъ простыхъ киргизовъ, считая себя выше толпы, держится важно, гордо, два раза былъ въ Петербургѣ и присутствовалъ при коронаціи, какъ представитель средней орды, то есть, какъ будто старѣйшій по роду и какъ вліятельнѣйшій правитель; онъ украшенъ штабъ-офицерскими эполетами, саблюю, носитъ французскія перчатки, пускается въ танцы, водить знакомство только съ высшими тузами, удостоивая иногда небольшихъ чиновниковъ своимъ посѣщеніемъ и являясь на вечеръ въ 10 часовъ; когда же спросятъ его, что такъ поздно пришли, то онъ отвѣчаетъ: а развѣ порядочные люди показываются раньше на званый вечеръ? однимъ словомъ, цивилизованный азіатецъ въ полной формѣ.

Въ свободное отъ ревизій и смотровъ время, устраиваются по вечерамъ гулянья, поѣздки по окрестностямъ съ дамами. Киргизамъ ежегодно дѣлается байга (праздникъ) на счетъ казны. На каждый округъ отпускается со времени открытія его ежегодно изъ казны (изъ значнаго сбора) по 143 руб. серебромъ на угощеніе киргизовъ или на такъ называемую байгу.

Къ пріѣзду губернатора, многіе султаны, правители селъ, старшины и чающіе правосудія, которыхъ всегда бываетъ достаточно, собираются къ приказу. Съ утра и до вечера джигитуютъ конные киргизы, и цѣлая фаланга пѣшихъ толпится у зданія приказа, держа въ правой рукѣ въ сверткахъ прошенія, до которыхъ киргизы большіе охотники и часто просятъ сами не зная о чемъ.

Для байги покупается на счетъ казны нѣсколько лошадей, бара-

новъ разныхъ мастей на угощеніе киргизовъ и мѣдные приборы, сукна и бумажныя матеріи для скаковыхъ и прочихъ призовъ.

Байга состоитъ въ слѣдующемъ: на площади разбиваются палатки и убранныя внутри юрты, съ разными затѣями для начальства, для русскихъ чиновниковъ и почетныхъ киргизовъ, на столахъ разложены призы, передъ народомъ поставлены котлы съ кушаньями; вся площадь занята киргизами, а также толпятся козаки и солдаты. Байга начинается почти всегда борцами: нѣсколько паръ голыхъ по поясъ и босыхъ, выступивши впередъ и схватившись за поясъ одинъ другаго, вступаютъ въ борьбу, во время которой всѣ мускулы борящихся напрягаются, глаза наливаются кровью, и все вниманіе и сила противниковъ направлены къ тому, чтобы, воспользовавшись минутою оплошности, приподнять, бросить на землю и сѣсть верхомъ на побѣжденнаго; иногда случается, что борьба длится долго и ничѣмъ не оканчивается: противники расходятся, не пересиливши одинъ другаго. За тѣмъ распорядитель праздника и желающіе бросаютъ мелкія серебряныя монеты въ чаны съ кумысомъ, а мальчишки и парни тоже безъ сорочекъ и со сложенными назадъ руками ныряютъ по шею въ эту мутную, густую жидкость и достаютъ изъ нея зубами монеты; когда вытащутъ изъ чана головы, то по лицу, изо рта и изъ ушей течетъ кумысъ. При лазаньи на шесты, на верху которыхъ развѣваются призы, бываетъ много комическихъ сценъ, и изъ 50-ти и болѣе охотниковъ взберется одинъ. Во время этихъ забавъ, разносится простому народу конина, а почетнымъ лицамъ пловъ и сласти, и публика въ началѣ занимается болѣе собою. Родовые султаны, отличающіеся тучностію, застѣдаютъ впереди съ толпою слугъ, болтаютъ между собою, поглядывая иронически на чиновныхъ аристократовъ, выдвинувшихся изъ простыхъ киргизовъ, которые вертятся близъ начальства, не смѣшиваясь къ своимъ собратами; баяны (народные пѣвцы) подходятъ къ нимъ и, усѣвшись у ногъ ихъ, мурлычатъ импровизированныя пѣсни, выхваляя по очереди достоинства и заслуги каждаго; почтенные султаны, поглаживая самодовольно свои бороды и утробы, общаются пѣвцу въ подарокъ лошадь или нѣсколько барановъ, но рѣдко выполняютъ это на дѣлѣ.

Главное вниманіе глазѣющей и улетающей съ аппетитомъ конину публики обращено на столъ съ скаковыми призами, замѣтно общее нетерпѣніе и всѣ поглядываютъ безпрестанно въ поле... Вотъ толпа раздается на двѣ стороны, вдали столбы пыли, наконецъ показываются верховые киргизенки, скачущіе маршъ-маршъ съ крикомъ и визгомъ. Передоваго наѣздника встрѣчаютъ возгласами, и за тѣмъ все стремится полюбоваться хотя издали на призъ. Скачка происходитъ

такимъ образомъ: въ день байги, желающіе состязаться и выдержавшіе для этой цѣли бѣгуновъ, отъѣзжаютъ по утру верстъ за 20, 25 при нѣсколькихъ стороннихъ свидѣтеляхъ, по дорогѣ разставляются на всемъ разстояніи къ мѣсту байги конные или пѣшіе махальщики, которые подаютъ сигналъ къ началю скачки и телеграфируютъ знаками о приближеніи скачущихъ къ извѣстному мѣсту. На байгѣ, которую я видѣлъ въ 1855 году въ Акмолахъ, первая лошадь проскакала 20 верстъ въ 47 минутъ, а вторая и третья въ 52 минуты. Въ заключеніе киргизы, угостившись на свои деньги, разбродятся толпами домой. Киргизки на праздникъ не присутствуютъ, а смотрятъ на него издали, изъ-за заборовъ или съ крышъ ближайшихъ строеній.

Вмѣстѣ съ суммою на байги ассигновывалось ежегодно по 143 р. на устройство школъ и богоугодныхъ заведеній въ киргизской степи. Но съ 20-хъ годовъ по 51-й годъ не было открыто ни одной школы, не устроено ни одной больницы, а ассигнуемая на это суммы расходовались на другіе предметы. При ревизіи въ 1851 году Западной Сибири обращено было на это строгое вниманіе, результатомъ котораго было то, что черезъ 7 лѣтъ приступлено было къ устройству въ Омскѣ областной школы для киргизскихъ дѣтей, и завелась дѣятельная переписка о постройкѣ больницы въ Акмолахъ; но байги дѣлались неупустительно всякій годъ. Киргизы очень охотно учатся грамотѣ и и вовсе не имѣютъ предубѣжденія противъ нея, — въ чемъ увѣряли рапорты засѣдателей и заключенія областныхъ мѣстъ. Вообще киргизы очень доступны къ цивилизаціи, потому что они не такіе фанатики, какъ прочіе мусульмане: муллы и ахуны не имѣютъ въ ихъ глазахъ той святости и непогрѣшимости, какая приписывается этимъ лицамъ татарами и кавказскими горцами, они иногда обращаются за совершеніемъ обрядовъ къ стороннимъ лицамъ, читающимъ коранъ. Въ доказательство этого я, какъ очевидецъ, приведу то, что кочующіе близъ Омска за Иртышомъ киргизы часто приглашали для совершенія обрядовъ одного русскаго чиновника, изучившаго во время бытности въ Оренбургѣ киргизскій языкъ и бытъ, и онъ вѣнчалъ и хоронилъ ихъ, а въ случаѣ отказа его пріятельски бранили. Грамотныхъ киргизовъ (читающихъ и пишущихъ по татарски) очень мало; въ цѣломъ округѣ, за исключеніемъ муллъ, нѣсколькихъ султановъ бѣевъ, едва ли найдется 10, 15 человекъ; молодежь же охотнѣе учится по русски; я зналъ двухъ киргизовъ, занимавшихся въ каркаралинскомъ приказѣ, изъ одного желанія усовершенствоваться въ русской грамотѣ. Въ послѣднее время султаны и старшины сами, безъ сторонняго понужденія, начали помѣщать своихъ сыновей въ Омскій кадетскій корпусъ, изъ котораго

вышелъ Чоканъ Валихановъ — такая способная, развитая и дѣльная личность, какой не появлялось ни между одними инородцами сибирскими. Мѣстное начальство 50-хъ годовъ стѣсняло и вмѣшивалось въ самоуправленіе киргизовъ, дарованное имъ сибирскими учрежденіями, навязывало своихъ кандидатовъ, которые смотрѣли на своихъ собратій, какъ на крѣпостныхъ, и не довольствуясь дозволеннымъ закономъ въ пользу ихъ сборомъ за общественную службу, соперничаютъ въ поборахъ съ нашими засѣдателями, которые въ старину, говорятъ, сильно наживались.

Всякій, пріѣхавшій въ Баянъ-аулъ, спѣшитъ осмотрѣть окрестныя горы и озера, а мы, прожившіе нѣсколько лѣтъ въ равнинѣ, въ степи, любовались съ особеннымъ удовольствіемъ конусообразными, зелеными пирамидами горъ, состоящихъ изъ каменныхъ плитъ, изъ трещинъ которыхъ вытѣкаютъ сосны (отъ чего издали горы и кажутся зелеными пирамидами), и раздѣленныхъ на края быстрыми, сильно журчащими потоками и ручьями; по боковымъ крутизнамъ растутъ кусты малины. Но на высоту горъ и въ глубь лѣсовъ ихъ опасно одному пускаться, можно легко встрѣтиться съ медвѣдемъ, большимъ охотникомъ до малины и дѣлавшимъ часто скандалы Баянъ-аульскимъ бабамъ, собиравшимъ эту ягоду.

Belle vue Баянъ-аула—это такъ называемая *Джасыбаева могила*. Послѣ восьми-верстнаго подъема въ гору ущельемъ, по узкой тропѣ мы подѣхали къ большой каменной насыпи, обсаженной высокими и толстыми деревьями; горы къ югу раздѣлились, образовавъ круглую котловину, въ которой пѣнилось озеро, находившееся далеко ниже насыпи. Противоположный берегъ озера, состоящій при началѣ изъ голыхъ скалъ, переобразовывался вдали въ лѣсистый; вправо открывалось Баянъ-аульское озеро, казавшееся близко, какъ бы подъ рукой, тогда какъ до него десять верстъ по прямой линіи; надъ нами выросли вѣковые сосны. Общій видъ съ насыпи, называемой Джасыбаева могила, очень поэтиченъ, и объ ней сохранилась не менѣ поэтическая легенда. У богатаго султана была дочь, конечно, красавица, влюбившаяся въ пастуха Джасыбая и бѣжавшая съ нимъ; влюбленная парочка проскакала горы, объѣхала озеро на лихомъ конѣ и, остановившись на этой горкѣ, упивалась счастьемъ; но султанъ настигъ ихъ и, убивъ обоихъ, похоронилъ вмѣстѣ, приказавши сдѣлать на могилѣ высокую каменную насыпь и посадить деревья, для того, чтобы онѣ напоминали дочерямъ о грозящей имъ участи при неповиновеніи отцу. Только, и дѣйствительно мнѣ кажется, одни влюбленные были способны избрать такой уголокъ, изъ котораго во всѣ стороны великолѣпный видъ. Мы подымались и выше, и по сторонамъ, и спуска-

лись ниже, но ни откуда не было такого прелестнаго вида, какъ съ этой могилы.

Обогнувъ озеро, пройдявъ немного по скалистому берегу и спустившись съ горъ, мы очутились въ совершенно иной мѣстности: въ обширной долинѣ, окаймленной горами и прорѣзанной въ длину рѣчкой, надъ которой стоялъ заброшенный, пустой деревянный домъ, въ которомъ, какъ мнѣ объявили, проживаетъ одинъ султанъ во время зимней его кочевки въ этой долинѣ. Жаль, что самыя лучшія, красивѣйшія мѣстности мертвы, безлюдны позднею весною и лѣтомъ; киргизы оставляютъ ихъ, удаляясь подальше отъ нашихъ поселенныхъ и укрѣпленныхъ пунктовъ, и если кочуютъ зимою вблизи ихъ, то только въ подобныхъ котловинахъ или въ горахъ, куда трудно пробраться въ это время года, да, впрочемъ, закрытыя мѣста и удобнѣе для осеннихъ и зимнихъ кочевокъ: горы защищаютъ отъ вьюговъ и непогодъ, а лѣтомъ можно вездѣ кочевать, лишь бы трава была.

Природа Баянъ-аульскаго округа очень картина: покрытыя сплошною зеленью горы, частыя озера и ключи придаютъ общему колориту какую-то мягкость, а климатъ, по увѣренію медиковъ, самый здоровый и удобный для леченія кумысомъ.

Природа сосѣдняго каркаралинскаго округа диче, грандіознѣе: гряды голыхъ скалъ перемѣшаны съ лѣсистыми горами, долины выжжены солнцемъ или вытравлены. Пикетная линія отъ Баянъ-аула до Каркараловъ, на 140 верстъ, идетъ по каменистому грунту; дорога часто загораживается огромнѣйшими камнями, точно нарочно брошенными сюда. При приближеніи къ Каркараламъ, горы сѣзвившись и образовавъ какъ бы ворота, вновь раздвигаются вокругъ укрѣпленія и слободокъ, разбросанныхъ на долинѣ по нѣсколькимъ направленіямъ: къ сѣверо-востоку—высокая цѣпь лѣсистыхъ горъ, уходящихъ въ глубь, къ юго-западу—полукругомъ каменистый кражъ съ развалинами каменной стѣны, сложенной изъ плитъ въ сажень и болѣе вышиной, проведенной, какъ утверждаютъ туземцы, на 120 верстъ въ окружности, гдѣ калмыки укрывались вмѣстѣ съ стадами своими при нападеніяхъ киргизовъ; къ югу—горы, покрытыя лѣсами, а къ востоку за рѣкой тянется на 50 верстъ долина, за которою видѣются Кентскія горы, служащія пристанищемъ медвѣдей, оленей и каменныхъ барановъ.

Въ окрестностяхъ Каркараловъ что ни шагъ, то великолѣпный видъ. Углубившись въ сѣверо-восточный лѣсистый кражъ, послѣ подъема верстъ 5-ть въ гору, проникнешь въ лѣсную тущюбу, въ которой сосны да камни заслоняютъ небо, и по которому, вслѣдствіе крутизны и отвѣсности горъ, нельзя даже ѣхать верхомъ, а нужно

царапаться по камнямъ, хватаясь за деревья. Достигнувши вершины главной возвышенной точки, очутишься у бассейна длиною сажень въ 8-мъ, шириною въ 4-ре сажени и вѣроятно очень глубокаго, потому что мы 3-хъ сажennemъ шестомъ не достали дна. Стоя у этого бассейна, видишь всю окружающую мѣстность верстъ на 50 вокругъ; выше васъ кромѣ неба ничего уже нѣтъ, а горы, лѣса и озера у подножія.

Здѣсь много разнообразныхъ пещеръ. Въ одной наружное отверстие въ одинъ аршинъ, но внутри ея великанъ можетъ стоять во весь ростъ, не касаясь головою до верхняго свода, и человѣкъ 20 могутъ свободно помѣститься; вправо небольшая въ родѣ окна пробоина, за которой, на одинъ аршинъ ниже, просторное, широкое углубленіе, длину котораго за совершенною темнотою нельзя было пройти; влѣво же, изъ подъ свода, черезъ одну камеру, виднѣется озеро, неизвѣстно какъ далеко идущее и очень глубокое.

За пещерою вьется между каменными плитами быстрая, чистая, какъ хрусталь, рѣчка, по обѣимъ сторонамъ которой идутъ совершенно прямолинейно, будто насаженные рукою человѣка, сосны въ нѣсколько рядовъ. Хотя мѣстность эта не замѣчательна ничѣмъ особеннымъ, но я припомнилъ ее по слѣдующему случаю. Каркаралинскій округъ чрезвычайно богатъ серебро-свинцовыми и мѣдными рудами; всякое лѣто скитаются по степи нѣсколько частныхъ партій, а въ 1856 году были и казенныя, для развѣдки золота и серебра. Одинъ казачокъ представилъ К^о П...скаго нѣсколько крупныхъ песчинокъ золота, объявивши, что онъ открылъ его близъ описанной мною рѣчки. Всякій мало-мальски понимающій формацию земляныхъ пластовъ, не говоря уже о минералогіи, съ которой должны быть знакомы искатели золота, догадался бы о неестественности подобной находки, но компанія, зараженная общою слабостію разбогатѣть вдругъ, безъ затраты капитала и безъ труда, заплатила казаку условленную плату и заявила пріискъ въ этомъ мѣстѣ. Изъ пробитаго казакомъ шурфа компанія вынула до 80 куб. саж. песку и земли, но золота, какъ и увѣрялъ ее заранѣе горный инженеръ, не обрѣла. Козакъ, какъ я потомъ узналъ, растопилъ золотой крестикъ и закопалъ въ глубь шурфа нѣсколько песчинокъ золота, чѣмъ и надулъ компанію. Киргизы тоже не упускаютъ случая воспользоваться оплошностью золотоискателей. Предположивши о нахожденіи въ каркаралинскомъ округѣ золотыхъ россыпей, компанія, вмѣсто правильнаго, научнаго розысканія съ необходимыми пожертвованіями, снарядила прикащиковъ для покупки у киргизовъ секрета о золотѣ. И вотъ прикащики, вооруженные револьверами, штуцерами, точно американскіе лянки, стали рыскать по

кочевкамъ; прибывши, по указанію проводника-киргиза, въ какой нибудь дальній аулъ, они находятъ чародѣя, въ образѣ джатака (бѣдняка), а иногда и старшины, вызывающагося указать Колхиду. Условившись о платѣ, состоящей въ нѣсколькихъ десяткахъ рублей да мелкихъ вещичкахъ, отправляются они странствовать по горамъ и по доламъ; скитаются недѣлю, другую, но—увы!—не обрѣтаютъ драгоценнаго металла. Киргизъ, утомившись сопровожденіемъ искателей, или объявитъ, что какой нибудь злой человѣкъ уничтожилъ поставленный имъ значокъ, или случайно наведетъ на серебро-свинцовую или мѣдную руду.

При мнѣ было заявлено и открыто до 30 мѣдныхъ приисковъ высокаго сорта руды, но къ разработкѣ не приступали, — невыгодно, говорятъ: надо большой капиталъ затратить, а у насъ нѣтъ его, да и когда барышей дождешься, чрезъ 5—6 лѣтъ; вотъ кабы золото или серебро — это другое дѣло. — Ищите, друзья, золота, доставляйте киргизамъ возможность поживиться отъ васъ хотя малыми крохами; вѣдь встарину подобные вамъ искатели металловъ обирали порядочно киргизовъ и, по неопытности ихъ, пріобрѣтали за тысячу рублей, за нѣсколько халатовъ и серебряныхъ ложекъ серебро-свинцовые прииски, приносящіе, при всей безалаберности и самодурствѣ владѣльцевъ, чистаго дохода до 30 т. руб. въ годъ.

Я тоже разѣзжалъ по округу, но не ради исканія золота, а для охоты и по службѣ. На первую собралась насъ большая компанія, съ участіемъ отдѣльных каркараминскихъ начальниковъ: отряднаго начальника, въ рангѣ войскаго старшины, и ротнаго командира, въ сопровожденіи своихъ писарей. Все замѣчательное и любопытное въ этой охотѣ заключалось въ самой мѣстности Кента, состоящей изъ скалъ и горъ, составленныхъ какъ бы искусственно изъ каменныхъ плитъ, покрытыхъ густымъ хвойнымъ лѣсомъ, съ безчисленными рѣчками и ручьями, съ кустами ракитника по краямъ.

Попадались просторныя пещеры; въ одной изъ нихъ, гдѣ свободно можетъ помѣститься до 40 человѣкъ, мы нашли остовы лошадей, барановъ и верблюдовъ; головы этихъ животныхъ были разложены симметрически за камнями, по бокамъ пещеры стояли длинные шесты съ намотанными клочками верблюжьей и бараньей шерсти и прядями конскаго волоса, а по срединѣ была куча пеплу. Киргизы, снявши малахаи (верхнія шапки) и оставшись въ аракинахъ (ермолкахъ), стояли съ благоговѣніемъ въ этой пещерѣ, служащей, какъ мы узнали, капищемъ для жертвоприношеній. Такимъ образомъ, оказывается, что нѣкоторые роды киргизовъ Средней орды (едва ли не большая часть) придерживаются не чистаго магометанства, а съ

примѣсю язычества и шаманства. Одинъ изъ нашихъ охотниковъ начертилъ углемъ на стѣнѣ чорта,—что очень не понравилось киргизамъ, которые выбѣжали на верхъ и начали громко перекрикиваться съ солдатами и казаками; отъ послѣднихъ мы узнали, что киргизы грозили показавшему свое рисовальное искусство, и только служебное положеніе избавило его отъ бѣды. И киргизы такъ остались не довольны изображеніемъ шайтана, что не захотѣли отвѣчать на разспросы о капищѣ. У начала кентскихъ горъ сохранились развалины стариннаго каменнаго зданія съ комнатами на верху; преданіе говорить, что это дворецъ калмыкскихъ хановъ. Кромѣ Кента, очень богатаго растительностію и дикими горными видами, мнѣ удалось посѣтить серебро-свинцовый рудникъ Айдары-Баркара, о которомъ какъ равно и сѣрныхъ водахъ, находящихся въ Копальскомъ округѣ Семипалатинской области, я расскажу впослѣдствіи.

К. ГУБАРЕВЪ.